
РОСТИСЛАВ ЛЕВГЕРОВ
БЕСКОРЫСТНЫЙ ПЛУТ
КНИГА ВТОРАЯ

Ростислав Левгеров
Бескорыстный плут

https://litres.ru/74753474
SelfPub; 2026

Аннотация

Дон Аркадио всегда считал себя достойным высокого титула Покровителя Воров, кроме того, он весьма искусный боец, а иначе и быть не может. Но здесь, во всеми богами проклятом краю, ему на каждом углу придется доказывать, что всё вышесказанное — не пустой звук. Ему предстоит хитрить и изворачиваться с удвоенной силой; скрываться от врагов, число которых, к сожалению, только растет; сражаться с созданиями настолько кошмарными, что никаких слов не хватит описать их, и много чего еще. Хорошо, что есть верные друзья — возлюбленная, но такая своенравная подруга Доминика и, конечно, кузен Хуан, на этот раз воплотившийся в препротивного ворчливого ворона.

Цель прежняя — найти выход!

Содержание

Глава 1. Священная роща и его "обитатели" 4
Глава 2. Рождение нового бога 23
Глава 3. Говорят, птахи мучают детишек! 41
Глава 4. Дуракам наука 59
Глава 5. Целебную настоечку не изволите? 74
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Ростислав Левгеров
Бескорыстный плут

Глава 1. Священная роща и его "обитатели"

С трудом пробравшись сквозь путанные колючие заросли, мы углубились в густой беспорядочный лес. Тропинка сменилась дорожкой, вымощенной вспучившимися от ползущих корней камнями.

Нам в спину летели проклятия, пули, болты, стрелы и странные выкрики велеречивого рыцаря, обещавшего «сердоболие в пытках», «молитвослов и удушение», «одухотворенную дыбу» и «топор, окропленный слезой творца», что бы это ни значило.

А потом пришлось карабкаться по ступенькам, выбитым в породе, цепляясь за корявые ветки, обомшелые валуны, те же корневища. Ничего сложного, если не учитывать, что каждый шаг мне давался со всё возрастающим трудом.

Снова навалилась головная боль, дышать стало труднее, точно сам воздух уплотнился, мысли путались, я стал хуже видеть — туман вокруг, ветки мельтешат, дурно, тошно, захотелось вдруг бежать. Бежать без оглядки, стремглав.

Прочь, прочь отсюда!

Я не выдержал, сел, привалившись к стволу дерева. Достал последний пузырек с лечебным зельем, выпил. Знакомое живительное тепло разлилось по сосудам, немного отпустило. Хотя бы в висках не так стучать стало.

Доминика встала рядом, прислонившись плечом к тому же дереву, обхватив себя за плечи, насупившись.

— Я не брошу тебя, — с трудом произнес я. — Не брошу. А пока оставь меня, дай поговорить с этим местом. Я вернусь. Скоро. Только прошу, ни звука…

«Поговорить с местом» — прозвучало по меньшей мере странно. Но что-то мне подсказывало, что я имею дело с сильнейшим заклятием. Причем, изготовленным из прото-магии, если пользоваться терминологией Алехандро, бога наук, книгочея и зануды поболее Хуана, моего горемычного кузена-пса, ворчуна и, по недоразумению, бога справедливости, эль Хустисьеро Дивино, Судии Павших и всё в таком роде.

Что она из себя представляла, эта прото-магия местного розлива? Призрачную дымку, едва видимую даже с одетым ржавым кольцом. Традиционные практики тут бессильны, ибо совершенно непонятно, как ею пользоваться. Как, если хотите, «черпать» эту архаику. И возможно ли ею манипулировать?

Эх, нет тут Санчо нашего, то-то он обрадовался бы такому открытию!

Но что-то же надо делать! В самом-то деле, я — маг, или кто? Просто так не сдамся. И оставлять Доминику одну, в эти трагические минуты… Кроме того, я обещал ее отцу, мастеру Вадиму. И обещание сдержу.

Я решил попробовать метод, которому когда-то меня безуспешно пытался научить мой учитель Ковыль. Звался метод до неприличия просто: «единение с природой». Суть в следующем: погрузиться в транс и попытаться слиться с «духом земли».

Звучит просто, но на деле я тогда столкнулся с непреодолимыми трудностями. Я не понимал, о каком духе идет речь, что вообще от меня требовалось. Категорически не понимал — учитель частенько злоупотреблял туманными выражениями, пропитанными мистицизмом и малопонятными формулировками — поэтому я чаще всего просто засыпал. Тоже своего рода единение с природой, но учителю так не казалось. Ковыль будил меня палкой — универсальным средством, позволявшим лучше усваивать уроки.

— Не спи, тупица! Медитируй! Услышь мать-землю, открой третий глаз! — говорил он, и снова хвать меня по голове!

Но сейчас, спустя сотню с лишком лет, я вдруг понял, что имел в виду Ковыль. Ну, или вообразил, что понял. Неважно. Старик верил в то, что природа — это живой организм, а магия — ее кровь. Тогда, втайне, я посмеивался над этим. А зря. Что-то мне подсказывало — и это место имело душу.

Или пропиталось духом давно сгинувшего божества.

Совсем не хочется занудствовать, расписывая, как я выравнивал дыхание, как старался отрешиться от боли, изгонял дурные мысли и так далее. Посему буду краток: трудный был процесс, осложнявшийся плохим самочувствием, головокружением, но мне удалось кое-что нащупать.

Объяснить непросто, поэтому скажу так: там, дальше, в самом сердце священной рощи, кто-то находился. Кто-то из плоти и крови, как мне показалось. Не дух. И совершенно точно не враждебный. Этот некто проявлял любопытство, наблюдал.

Открытие не решило проблему боли и оцепенения, охватывающей меня тем сильнее, чем дольше я здесь находился. Аура этого места так и оставалась непостижимой.

«Я тебе не враг, — мысленно говорил я, пытаясь достучаться до воображаемого погибшего бога. — Я тебе не враг, пропусти меня, прошу! Дай помочь этой девушке, не оставить ее одну…»

Не знаю, сколько времени я провел под тем деревом, только когда вышел из транса, увидел, как беззвучно рыдала, уткнув голову в колени, Доминика. Некоторое время я молча наблюдал за девушкой, размышляя, прервать ее или дать выплакаться.

— А, ты очнулся, — сказала она, неловко смахнув слезы. — Ну как? Поговорил с местом?

Попробовала улыбнуться, но вышло плохо. Я взял ее за

руку. Она слабо попыталась вырваться.

— Вот что я тебе скажу, Доминика, — сказал я. — Ты — колючка. Да-да, это ты колючка, а не та забавная кухарка в Развалинах. Чуть что, сразу показываешь шипы. Но я вижу, что внутри ты не такая суровая, какой хочешь казаться. Не спорь, я знаю, о чем говорю, ведь я не первый год живу на свете… Не прячь боль в себе, дай ей выход, а я просто побуду здесь, рядом.

Девушка упрямо покачала головой.

— Я в порядке, — сказала она, но голосок-то дрогнул! И новая слезинка скатилась по щеке.

— Меня не обманешь.

— Нет, я в порядке, не волнуйся за меня.

Я откинул прядь, закрывшую ее лицо, заглянул в глаза. Покрасневшие от слез.

— Не знаю, уместны ли будут мои слова, но я должен их сказать. Я люблю тебя, Доминика и очень дорожу тобой. Поверь, сейчас я искренен, а это значит, что я никогда не обижу тебя не только потому, что обещал твоему отцу, но еще и потому, что чувства мои значат нечто больше, нежели то, что обычно испытывает мужчина к женщине. Я — твой друг, старший брат, если хочешь. Не буду настаивать, но если тебе захочется выговориться, я всегда буду рядом. Я пойму и разделю твою боль.

Несколько минут длилась тягостная тишина, ярче любых слов свидетельствовавшая о том, какая борьба происходила

в этот момент в душе Доминики, наконец она произнесла:

— Спасибо… — И запнулась.

— Аркадио, Доминика, я — Аркадио. Хотя, если тебе привычнее звать меня «дурачком», я не буду против. Но ты в таком случае станешь «колючкой».

У девушки невольно вырвался короткий смешок. Сквозь слезы, которые она отчасти досадливо, отчасти смущенно вытирала, отворачиваясь.

— Спасибо… Аркадио, — сказала она. — Ну, пойдем дальше, что ли? Идти сможешь?

Я задумался. А ведь и правда стало чуточку легче. Словно дух, живущий в Боске Саградо, одобрил мои слова. И принял в свои объятия. Но осторожно, продолжая внимательно следить за чужаком.

Я попытался подняться и тут же чуть не упал. Доминика поддержала. Сама не заметила, как прижалась ко мне. Девушка дрожала.

— Пожалуй, если приспособить в качестве посоха какую-нибудь подходящую палку, — сказал я, — передвигаться смогу.

* * *

Хижина Гриба была не чем иным, как привратницкой. Или сторожкой. Всего лишь частью большого здания, спрятанного от любопытных глаз дремучими зарослями. Или маскирующим заклинанием, имитирующим непроходимую чащобу.

— И это, по-твоему, хижина? — спросил я, усевшись на поваленное дерево, дабы перевести дух. Определенно стало легче, но всё равно к земле ощутимо пригибало.

Домик с куполообразной крышей, крытой окислившейся до грязной синевы бронзой, маленький портик, сохранивший, несмотря на плющ, сорняк и следы времени, искусную лепнину в незнакомом мне стиле, тяжелая бронзовая дверь, украшенная схожим орнаментом. За сторожкой начинался широкий лестничный марш с тумбами, где когда-то стояли статуи. Конец марша упирался в сплошную стену леса. Лес выглядел неприветливо. Обломки изваяний валялись тут же. По ним трудно судить, кого они изображали — людей или еще кого?

— А разве нет? — удивилась Доминика.

— Скорее домик.

— Домик, хижина — какая разница?

— Полагаю, разница всё же есть.

Внутри привратницкой сидело в углу окаменевшее существо, которое приблизительно можно описать как гриб в бронзовых доспехах. Рассмотрев металл ближе, я пришел к выводу, что это не совсем бронза, а что-то похожее. Материал со временем покрылся патиной со множеством интересных оттенков — от ярко-зеленого до почти черного. Из такого же материала сделан медальон Доминики, что навевало на размышления.

Существо сжало пухлыми лапами копье, склонив набок

голову-шляпку. Будто заснуло. Вечный страж.

— А вот и грибочек, — сказала девушка и как будто обрадовалась старому другу.

— Судя по всему, — сказал я, осмотрев скудную обстановку привратницкой — подстилка из веток, горкой сложенные дрова для костерка, — твой гриб искусственно создан. Что-то вроде голема. Его предназначение — охранять врата. Странное решение — делать стражей из таких, казалось бы неподходящих материалов, как грибы.

Я указал на закопченный потолок.

— Тут ты и отдыхала?

— Да, частенько.

— Разговаривала со стражем? Небось поведала ему немало сокровенных тайн?

— Ну… не без этого, — нехотя призналась Доминика. — Ну что, откроем мостик?

— Погоди, погоди… Тут что-то не так. Когда я был в трансе, то почуял присутствие… кого-то живого. Не переживай — аура у него была дружелюбной. На мгновение мне показалось, что мы знакомы…

— И… где этот «кто-то»?

— Там, во дворце. Твоя хижина — это помещение для стража. Значит где-то рядом — врата. Вопрос в том, куда они ведут?

Мы подошли к лесу.

— Присмотрись, — сказал я. — Не замечаешь ничего

странного?

Доминика растерянно поглядела на преграду.

— Этот лес неподвижен, — подсказал я. — Ни один листик не трепыхается.

— А и правда! Никогда не замечала.

— Это морок, Доминика. Иллюзия. Попробуй прикоснуться.

— Я боюсь!

— Не бойся, ты тут давно, роща приняла тебя. Уверен, ничего не случится. Ну же, смелее!

Девушка сделала шаг, протянула руку. Внезапно иллюзия исчезла и нашему взору предстало дивное строение — плавные линии, изящество, легкость, воздушные арки. Памятник исчезнувшей цивилизации. В наше время так никто не строит.

Строго говоря, назвать строение дворцом нельзя. Скорее это был храм — анфилада помещений окружала внутренний двор, клуатр. В центре двора рос величественный вяз, под чьими ветвями укрылся дворец практически целиком. Вот оно, сердце Боске Саградо, Священной Рощи — таинственный дворец. «¡Un palacio oculto bajo un velo de ilusión!» как сказал бы еще один мой приятель Мурусо. Он хоть и был пьяницей (даром, что бог вина!), но поэзии не чуждался. Порой такие вирши выдавал!

В самом центре «дворца, скрытого под покровом иллюзии», под деревом сидел наш старый знакомый — забытый

бог торговли Могша. Он достал из-за пазухи верную дудку и ознаменовал наше появление незатейливой мелодией.

— Я всё размышлял, сможете вы разгадать эту загадку или нет? — сказал он. — Уже хотел намекнуть, насвистав что-нибудь, да тут вы подошли! Присаживайтесь, разведем огонек, вскипятим чайку!

— Дедушка Мох! — воскликнула Доминика и бросилась его обнимать.

— Ну-ну, девочка, ну что ты! Разве так давно не виделись? Что-то ты бледная, красавица! Случилось что? Рассказывайте, поведайте о своих горестях!

Могша внимательно выслушал нас, вздохнул.

— Плохо, печально, — сказал он. — Но, в то же время, я рад, что тебя приняла Священная Роща, Аркадио! Я сразу понял — у тебя душа чистая. А вот что касается твоего отца, Доминика… Я-то никогда не был дружен с магией…

Мы переглянулись.

— Говори без утайки, дедушка! — потребовала Доминика.

— Ну… не хочется тебя напрасно обнадеживать, но… у твоего отца такой сильный след, и я его до сих пор чувствую. Это свидетельствует о том, что Вадим пока… Хм… Быть может, я обманываюсь на этот счет. Не тешь себя напрасными надеждами, а то я еще виноват буду.

Поздно! Доминика пришла в величайшее возбуждение.

— Он жив? Папа жив? Скажи, прямо, дедушка — папа

жив? Выжил?

Могша, уступая моему укоризненному взгляду, пошел на попятную:

— Не уверен. Наверное, это мои старческие эмоции, девочка. Пожалуйста, не сходи с ума.

— Но ты сказал, что папа жив!

— Я не говорил этого. Я сказал, что не уверен. Повторяю — я не уверен. Может, просто поддался порыву в стремлении хоть как-то утешить мою драгоценную кроху и теперь, откровенно говоря, сожалею об этом.

— Нет, нет, не оправдывайся — ты имел в виду, что папа жив! Ты ведь это имел в виду, признавайся!

— Учитывая обстоятельства, по трезвому разумению, шансы на это ничтожно малы.

— Аркадио, мы должны возвращаться! Мы должны спасти его! Аркадио, ты сказал, что любишь меня! Ведь ты же любишь меня? А значит ты должен помочь мне освободит папу!

Как бы угомонить ее?

— Сядь, не прыгай ты! — попросил я. — Не забывай — я еще не совсем оклемался. Умоляю, Доминика, не кипятись!

— Нет! — крикнула она. — Мы спасем его сейчас, немедленно! Если ты не пойдешь, я отправлюсь одна!

— Куда возвращаться, ты подумала? Там скопилась чуть ли не целая армия. И они только и ждут, когда мы спустимся. Если отец твой выжил, то только благодаря некоей магии,

примененной инквизиторами. Зелье, которым я его напоил (а я подозреваю, что это, скорей всего, potio furoris — «зелье ярости»), гарантированно убило бы его. Особенно при таких-то ранах. А это значит, он в плену. И они будут держать его в цепях, как приманку. Они меня хотят поймать, Доминика, понимаешь? Меня!

— Плевать, я спускаюсь!..

— Ну прекрати, прошу тебя! Могша, вот кто тебя за язык тянул? Ты что, не знаешь ее норов?

— Э… — протянул торговец озадаченно, почесав лысину.

— Давай обсудим всё спокойно, Доминика, — продолжал я тщетно уговаривать ее. — Предлагаю перенестись в Развалины, посоветоваться с матерью Еленой. Не лишним будет узнать мнение моего кузена — он вообще-то весьма начитанный и эрудированный…

Упрямица качала головой, сердито прикусив губу.

Я посмотрел на Могшу. Старый торговец незаметно кивнул.

Придется всё же «охмурить» красавицу. Вернее, воспользоваться эмбрухо — первейшим моим помощником. Будет потом обижаться, но что поделаешь! Я привык.

* * *

Я был прав — мой дражайший кузен Хуан, если хотите, эль Кан Касакукарачас де ла Таберна, мой несравненный брат-пес, так вот, он разругался-таки с матерью Еленой, убедительно доказав тем самым то спорное, в общем-то утвер-

ждение, которое гласит, что кошка с собакой не уживутся никогда. Особенно, если эта кошка — деловая особа, утверждающая, что является чуть ли старейшим живым существом на планете. Прибавьте сюда несметное число ее усатых сородичей и станет ясно, почему Хуанито вынужден был перебраться на кухню, под охрану жабы-кухарки Колючки.

Чего? Не ясно почему? А я объясню! Колючка недолюбливала кошек, постоянно норовивших что-нибудь стащить с кухни, вот кузен и подрядился подрабатывать сторожевым псом в обмен на кормежку. Всего-то требовалось лаять и рычать. Плевая работенка! Зато каждый день ему перепадал то кусочек рыбы, то мясцо. К тому же Колючка не умела разговаривать, могла только квакать, сопеть и фыркать, что вполне себе устраивало Хуана — некому было затыкать ему рот, поучать, насмехаться, а также спорить о том, как именно устроено мироздание, откуда есть пошла магия и кто стоял у истоков цивилизации.

Единственный минус — у Колючки на кухне часто сиживал Гогин, выполнявший обязанности охотника. Сидел, потягивал эль и толкал свои речи, переполненные тоской и безысходностью.

— Беспросветная печаль! — сказал кузен. — Удивительный человек! Гогин способен увидеть злой рок в самых, казалось бы, невинных вещах. Например, рождение котят. Только послушай, какие удивительные слова он изрек както: «вполне возможно, что мы только что стали свидетелями

заката рода человеческого! Ведь если рассудить здраво, этот крошечный выводок знаменует собой конец нашего тленного бытия и возрождение природы — я вижу это так же ясно, как и то, что скоро наш прекрасный зеленый осколок канет в небытие! Эти кутята — что это, если не знак, что нам, горемычным, пора убраться с дороги?» Ну, и всё в таком духе! О первый, я не могу больше слышать его треклятый голос! И вообще, наконец-то ты явился! Жду не дождусь, когда мы уберемся отсюда, гав!

— Когда мы расставались, ты говорил об обратном, — заметил я, сделав еще глоток колючкиного эля. Славный напиток, скажу я вам!

— Всё познается в сравнении. Я в полной мере осознал, что мне милее приключения! Жизнь, даже такая незавидная, как у меня, острее ощущается, когда в спину тебе дышит опасность, и всё такое! Гав!

Кухня Колючки — это сруб с пристройкой, где и располагались столы и лавки. На загородке из плетеного ивняка, среди глиняных горшков сидело воронье. А дальше, в траве, лежали, облизываясь и греясь на солнышке, вездесущие кошки.

Вот чего тут хватало, так это кошек. И солнца.

— Итак, когда в путь? — спросил кузен.

— Не знаю, — ответил я.

— Что значит не знаю?

— То и значит.

Я сразу рассказал ему о наших приключениях, о том, что случилось с мастером, едва мы вернулись под защиту этого райского уголка. К моему удивлению, реакция кузена на потерю была слишком, я бы сказал, сдержанной.

«Всего лишь смертный, подумаешь, — сказал он мне тогда. — Наша миссия важнее!»

Я не стал ругаться, махнул рукой.

— Ну продолжай, что молчишь? — спросил кузен. — Куда в первую очередь отправимся — в Обсерваторию, эль Колосо? Или в храм Девы, эль Темпло? Полагаю, надо наведаться в гости архивариусу. Он может обладать ценными сведениями…

— Нет, — сказал я, допив эль и хлопнув кружкой по столу.

— Что «нет»?

— Я должен выяснить, что случилось с мастером. Я почти уверен, что он мертв, но… чудеса бывают. А также должен помочь Доминике отомстить.

— Понимаю, Аркадио, братец, ты влюбился.

— Тебе не понять.

— Это почему? Потому что я пес? Я понимаю, Аркадио, прекрасно понимаю. Знаю, что тебя не переубедить. Ну, что сказать… Куда ты, туда и я. От всей души сочувствую Доминике. Несмотря на несколько склочный характер и зачастую неуважительное отношение, мне она нравится. В ней есть душа, как сказал бы Гогин. Поможем ей. Кроме того,

тот товарищ, как его? Фердинанд…

— Тисон. Инквизитор Фердинанд Тисон.

— О да, Тисон! Этот нехороший сеньор тоже может обладать ценными сведениями. Разберемся с ним и отправимся в обсерваторию.

— Спасибо, Хуанито. Я знал, что ты не бросишь меня.

— Я твой брат, твой амадо эрмано, понимаешь? А вовсе не эстимадо примо, как ты меня иногда называешь.

— Чем тебе не нравится обращение «мой уважаемый кузен»?

— Звучит как-то сухо. Такое впечатление, что ты пришел к некоему коррехидору просить о чем-нибудь. «Возлюбленный брат» — вот это действительно дружеское обращение, подчеркивающее наше единение, готовность стоять плечом к плечу, так сказать. Ведь мы тут одни. Совсем одни, понимаешь, Аркадио?

— Что, соскучился?

— Не без этого.

— Хорошо, буду теперь говорить «ми амадо эрмано». Удовлетворен?

— А то! Братья должны держаться вместе. Однако, меньше слов, больше дела. Я тут засиделся. С чего начнем?

— Поговорим с матерью Еленой.

— Да ну ее к черту!

— Если хочешь, можешь остаться тут. Кошки, видишь ли, не дремлют.

— Не, я с тобой. А то физиономия Колючки меня ввергает в хандру. И Гогина тоже.

* * *

Я немного слукавил. Говорить со старой кошкой, выслушивать жалобы на кузена, внимать ее нравоучениям я не хочу. Если честно, до нее нет дела. И потом, она уже успела надоесть мне сразу по прибытию. Дело в том, что старушка закостенела в своем видении мира. Единственное, что она вынесла из общения с братишкой — нас, оболтусов, надо непременно наставить на путь истинный. Плевать, что ее путь покрылся плесенью, плевать, что мы не в духе, устали. Ей, видите ли, скучно — с Гогиным и Колючкой особо не побеседуешь. Вот и хочется языком почесать.

В задницу эту особу, извините за выражение.

Я собирался проверить одну свою теорию. Помните двенадцать бесформенных каменных глыб? Зуб даю на отсечение — они там находятся не ради красоты. Что делают эти монументы в самом центре храма? И почему их двенадцать? Вопросы, что называется, лежат на поверхности.

В некоторых мирах я сталкивался с так называемыми «камнями силы». Как правило они находились в труднодоступных местах. Активировались по-разному: выбросом вик санкты, кровью, огнем. Один камень ожил после того, как мой спутник из племени великанов-рудокопов хорошенько треснул по нему священным молотом. Но чаще магия рождалась благодаря глифам.

Глифы глифам рознь. Есть простые — оружейные или доспешные, их может склепать любой мало-мальски обученный алхимик при наличии необходимых ингредиентов и лаборатории с печью, перегонной колбой и прочими специфическими вещами.

А есть глифы, изготовленные богами, причем самого высокого ранга. Как мой родитель, например. Редкие и оттого наиболее ценные предметы. Они так и зовутся: божественные или высшие. Большинство таких вот штук делаются не ради наживы, а для себя любимых. То есть, они именные.

В данный момент у меня в наличии три простых глифа — если отыщется в Конгохас толковый и сведущий в таких делах кузнец, можно будет изменить свойства клинка, кинжала или еще чего. К примеру, дольше сохранять заточку или воспламеняться при взмахах. Глифы дают перманентный эффект, что важно.

В отличие от простых глифов, действующих на экипировку, божественные меняют человека. Они являются своеобразными ключами, призванными разблокировать заклинание, схороненное в таком вот булыжнике. Иногда кардинально меняют. Не всегда в лучшую сторону, ибо искусство это тонкое и очень сложное. Что прискорбно — вымирающее.

Я сразу подумал, что найденный в кабинете Константино осколок неправильной формы с полустертым символом птицы вполне может быть из разряда высших. И потом, рядом с древним вязом в священной роще я заметил еще два по-

хожих. Они лежали, утопленные в лесную подстилку, с прилипшими листиками.

На одном была выбита фигура, очертаниями напоминающая женскую, на другом — круг.

Может, их создал тот погибший бог, хозяин дворца в Боске Саградо? Только что делал тот первый камень в логове Константино? Вряд ли изверг смог проникнуть в святыню. Скорее всего отнял у кого-нибудь.

В общем, я собрался попробовать, подойдут ли находки к глыбам.

Глава 2. Рождение нового бога

Доминика сидела на стене, гладя мурлыкающую от удовольствия кошку-богиню. Вид у девушки был печальный. Взор устремился вдаль.

Слава богам, она не стала обижаться на мой выверт, за коим, к моему раздражению, закрепилось обидное название «охмурялка». Так неизменно и говорила. Охмурялка, черт побери.

Наоборот, в какой-то момент ей стало стыдно за свою эмоциональную вспышку.

Здесь, в Развалинах, она поникла пуще прежнего. Ходила сама не своя, и даже Искра не могла развеселить ее. То сидела в одиночестве на берегу озера, бросая в воду голыши, то гуляла, молча срывая и тут же выбрасывая цветы.

Пусть скорбит. Не надо ей мешать. Это поняла даже мать Елена. Хоть и не сразу.

Итак, я сразу направился к монументам, едва кивнув в знак приветствия. Доминика не обратила на нас внимания, а вот богиня-кошка заметила.

— О, Аркадио! — сказала она, приподняв один глаз и лениво взмахнув пушистым хвостом. — И твой братец здесь? Вы чего тут? Неужто хотите побеседовать? Продолжить нашу ученую беседу, что прервалась на самом интересном месте…

— Нет, почтенная, — сказал я, смахивая ладонью пыль с глыб. — Мы с Хуанито собираемся поставить эксперимент. Так что отдыхайте, не обращайте на нас внимание. Хотя, если скажете, что это за глыбы, кто их сюда поставил, какую роль они играют, скрывают ли какие секреты — можете сказать.

— Вопросов много, но ни на один ответить я не могу.

— Вы чуете в них магию? Подобную той, что во дворце с древним вязом? В Боске Саградо? Чуете архаику или как там она называется? Прото-магия, шаманство…

— Нет, ничего.

— Не может быть! Вы же богиня, старая, как вами утверждаете…

— Богиня-воровка. Не демиург, не мать всего сущего. Воровка. Кошка. Ничего я не чую, булыжники и булыжники. Может и латыри, кто его знает.

— Слово-то какое, латырь…

— О, так говорили в моих родных краях. Означает, «всем камням камень».

— Вот! Всем камням камень, точно! Интуиция мне подсказывает — в них что-то есть. Это и есть латыри, нутром чую. Точно что-то есть…

— Послушай, ты что собираешься сделать? Доминика, голубушка, ты-то можешь сказать, что за пакости готовят твои друзья?

Доминика не ответила, продолжая безучастно глядеть в

никуда. Я продолжал рассматривать «латыри» и заметил, что из двенадцати камней, посадочные места под глифы имеются только у пяти. Остальные пребывали в плачевном состоянии, если можно так выразиться. Время не пощадило их.

— Ох, и не нравишься ты мне, — буркнула мать Елена, взглянув на девушку. — Меня винишь? Я ведь не жаловала твоего отца…

— Помолчали бы вы, мать Елена, — сказал кузен.

— А ты не лезь, Хуан. Мне лучше знать…

— Он прав, — сказала вдруг Доминика, сверкнув глазами. — Можешь ты заткнуться хоть ненадолго или тебе по морде шлепнуть?

— Вот она благодарность! — проворчала мать Елена, прижав уши. — Дожила — богине, будто кошаре драной, по морде норовят дать. Эх!..

Тем временем я подобрал подходящую выемку для глифа с кругом. Приставил — ничего. Мертво. Камень не отозвался.

— Ну? — спросил кузен. — Не прирастает?

— Нет.

— Может, не к тому латырю приложил?

— К тому, к тому. Вкладывается, как влитой. Но не активируется. Видно, нужно еще что-то. Однако мы на верном пути — это точно материнские плиты. Жаль, только пять плит уцелело… Ладно. Попробуем другой.

Еще минут пять ушло на поиски следующей подходящей

выемки. На этот раз подошел глиф с фигурой.

— Подержи подольше! — посоветовал кузен.

— Держу.

— Попробуй усилить магией.

— Не могу, тут только архаика, мне не подвластная. Да глиф и так должен прилипнуть…

И тут камень… вспыхнул. Ярчайшим лазоревым цветом. Нас на мгновение ослепило. Доминика вскрикнула, сбросила с колен мать Елену, которая чисто по-кошачьи взвыла. Хуан тявкнул, усатые сородичи забытой богини с мяуканьем разбежались, Гогин издалека хмуро выругался.

— Со всеми всё в порядке? — спросил я, открыв глаза. — Никто ничего не чувствует?

— Я почувствовала что-то, — сказала Доминика.

— Что именно?

Девушка пожала плечами.

— Возбуждение. Словно меня укололо сразу тысячей иголок.

— И?..

— И всё.

— Всё? Не может этого быть! Не ощущаешь… скажем, легкость, или голоса в голове, еще странности?

— Ничего я не ощущаю. Никаких голосов. Всё как обычно.

— У кого-нибудь что-то схожее было?

Молчание.

— Ничего, значит? Странно. Ладно, продолжим.

Применение третьему камню, с фигурой птицы, долго искать не пришлось. Рядом с латырем, к которому прилепился глиф с фигуркой женщины.

Едва я прикоснулся им к выемке, как из латыря выскочила молния и пронзила… кузена. Удар был такой силы, что песика натурально изжарило. Я потерял дар речи. Доминика взвизгнула, закрыла рот ладонью.

— Похоже, ваш Хуанито всё, — осторожно сказала мать Елена, на всякий случай отходя подальше. Боится, что я разозлюсь, старая. — Угробил ты своего глупого брата, Аркадио, милый мой. Вот тебе и латырь, всем камням камень. А почему же так прискорбно получилось, вот в чем вопрос? А потому, что у вас обоих ума с горошину! Думать надо было, прежде чем… Мяуу!

Это Доминика не выдержала и пнула богиню-кошку. Та отлетела на добрые пяток шагов, шлепнулась, перекатилась, вскочила, взъерошилась, зарычала.

— Как ты можешь так говорить?! — дрожа от негодования, воскликнула девушка. — Что ты за богиня такая? В тебе нет ничего святого!

Видимо, древняя кошка смекнула, что бодаться с разъяренной Доминикой себе же дороже, поэтому тут же сменила гнев на милость:

— Я прощу тебе эту вопиющую вольность, девочка моя, в знак уважения к твоей трагедии, и потому что люблю тебя,

как собственную дочь. Я просто удалюсь с гордо поднятой головой! Однако, пока не извинишься, ко мне даже не подходи!

И старая кошка пошла прочь, прихрамывая. Впрочем, удалилась она недалеко — забралась на стену поодаль. Понимаю — любопытство распирало.

В это время я остолбенело глядел на сожженное тельце, не в силах поверить в то, что произошло.

Но тут стали происходить странности. Началось с того, что меня толкнул кто-то. Затем то же самое почувствовала Доминика. Далее невидимка устроил настоящий переполох. Кошки с визжанием отпрыгивали от бесплотного духа, с мяуканьем разбегались кто куда. С деревьев с шумом взлетали птицы, некоторые из них кувыркались в воздухе, теряя перья и отчаянно каркая, чирикая, вереща.

Поднялся вихрь, срывавший с веток листву, взметнувший пыль, поваливший чучела Стоццо и Моццо, сорвавший чепец с Колючки, которая от неожиданности упала и уронила прямо на себя лохань с помоями.

А затем так же неожиданно воцарилась тишина.

— Это что было? — спросила мать Елена. — Искра сошла с ума?

— Непохоже на нее… — растерянно сказала Доминика.

— Это правда, — согласилась богиня-кошка. — Искра, конечно, та еще шалунья, но чтобы так…

— Тихо! — потребовал я, подняв руку. — Вы слышите?

— Что именно? — спросила мать Елена.

— Голос, тихий-тихий.

Мне показалось, что кто-то кричит. Будто взывает о помощи. Голос далекий, будто из иного мира.

— Нет, ничего такого, — сказала богиня-кошка. — А ты, девочка моя, что-то слышишь?

— Не знаю… кажется, что-то такое было. Шепоток, как будто кто-то с кем-то говорит.

— Значит, мне не показалось? — спросил я, скорее, чтобы обнадежить себя.

Внезапно из чащи вылетел здоровенный ворон. Покружил над нами, спустился, деловито прошагал мимо нас, остановился у еще дымящихся останков пса, посмотрел на него своими антрацитовыми глазками, клюнул в голову, посмотрел на нас и каркнул.

У меня уже возникли подозрения о том, кто это мог быть, но я предпочел дождаться развязки.

— Кар! — крикнул ворон, еще раз клюнув бедного пса. Вспорхнул, приземлился на верхушку рокового латыря, и повторил: — Кар!

— Кыш! — рявкнула мать Елена, но я поспешил осадить ее:

— Нет-нет, погодите-ка!

Я осторожно приблизился к глыбе, не сводя глаз с ворона.

— Кар! — повторила птица.

В этот момент едва не произошла еще одна трагедия. По-

зади глыбы по стене кралась кошка. Намерения ее были видны за версту. Я едва успел крикнуть:

— Берегись!

Прыжок, чертова кошка с хищно оскаленной пастью царапнула когтями, но промахнулась — ворон успел взлететь. Но пару перьев успела сорвать, негодница.

— Ах ты тварь! — разозлился я и швырнул в хищницу камень. Попал — сшиб с латыря.

— Эй, не обижай моих сестричек! — крикнула мать Елена.

— Не буду, если ты велишь им не трогать эту птицу, — ответил я, наблюдая, как кружится в воздухе, думая куда бы приземлиться, неугомонный ворон.

— Это охотничий инстинкт, он неистребим, — возразила богиня-кошка. — Я не могу им запретить идти против собственной природы!

— А это — мой брат! — возразил я, указывая на ворона, оглашавшего долину весьма недовольным карканьем. — Мой амадо эрмано!

— Что за чушь! Твой брат… он почил, увы. По твоей, стоит отметить, вине.

— Ничего подобного, Хуан — бессмертен! Он не может «почить», как ты говоришь! И вообще, отстань! И подружек своих приструни, иначе я по-настоящему выйду из себя.

— Присоединяюсь к Аркадию, — поддержала меня Доминика. — Если они еще раз осмелятся подойти к… к во-

рону, то я…

— Что ты сделаешь?

— Тоже разозлюсь!

— Вот как ты разговариваешь со мной?

— Да, вот так!

— Ну и бес с вами! — отозвалась мать Елена, махнув хвостом и улегшись на травке в тени под стеной. — Никакого уважения к старости…

Ворон снова приземлился на тот же латырь.

— Кар!

Мы с Доминикой напряженно ждали.

— Ну кар, в самом-то деле! — наконец, подал голос ворон. — Кар!

— Хуан, Хуанито, это ты?

— А кто же?

Мы вздохнули с облегчением.

Кузен распахнул крылья и, каркнув, произнес с гордостью:

— Узрите бога пер-ревоплощения! Самого настоящего Deus Tr-ransfigurationis! Да будет так!

— Это точно он, это наш Хуанито, — сказал я.

— Слышу сар-рказм в голосе, — сказал кузен. — И я пр-рощаю тебе сию насмешку, ибо у меня отличное настроение! Кар! Понимаю, ты спр-росишь, а как же быть с богом спр-раведливости, мечом возмездия и пр-рочими глупостями? Это в пр-рошлом. То, с вашего позволения, божество было

ср-редоточием невзгод, убожества и дур-рачеств. Неудачное божество. Мер-ртвое божество, и тело этого бедняги, приютившего на какое-то вр-ремя мой могучий дух, что это, если не символ смерти пр-режней несчастной жизни и р-рождение новой? Я переродился, др-рузья! Отныне и вовек я — бог пер-ревоплощения, царь зверей или Rex Bestiar-rum (последнее предпочтительнее), а также, р-разумеется, владыка пр-рироды, сир-речь Dominus Natur-rae!..

— Согласна, это и правда тот самый зануда, правда сменивший прежнего блохастого носителя на препротивную ворону, — сказала мать Елена. — Уж не знаю, что лучше. Мне песик больше нравился. Он хотя бы не страдал манией величия.

— Не вор-рона, а вор-рон!

— Да какая разница…

— Большая! Вор-рон — умная и благор-родная птица, а вор-рона… это вор-рона. Бестолковая тварь. Два разных вида!

— Правда что ли? А я и не знала…

— И это говорит богиня, утверждающая, будто ей тысяча лет! Кар!

— Ой, только не начинай! Сейчас начнешь рассказывать свои сказки про Примигенио своего и сестру его Алисию и прочих лубочных персонажей. Надоел, хуже пареной репы…

— О пер-рвый, ты только услышь сии в высшей степени гр-реховные р-речи!

— Это ты без продыху сыпешь греховными, я бы даже сказала, лишенными всякого смысла речами! Ну кто поверит, что вот этот молодой человек, — (это она обо мне, разумеется), — внешний вид которого ярко свидетельствует о достаточно серьезных пробелах в образовании и воспитании, является сыном некоего могущественного существа? Смех, да и только!

— Так, погодите! — прервал я разгорающийся спор. — Хуанито, лучше расскажи, что с тобой произошло?

— Что пр-роизошло? А что пр-роисходит с человеком… тьфу ты! С псом! Что может пр-роизойти с псом, когда в него бьет молния?

— Не знаю. Со мной такого никогда не бывало.

— В смысле, ты никогда не был псом, или тебя не шарр-рахало молнией, выр-рвавшейся из большого камня? Кар!

— Не передергивай, ты понял, что я имел в виду.

Хуан-ворон склонил голову набок, что, вероятно, должно было означать задумчивость.

— Ну… — сказал он. — Сначала дикая боль, потом тьма… и вот я стою, гляжу на это хилое и болезненное тело, в коем я томился, кар!.. Помнится, одна мысль пр-ронзила меня: «я умер — значит ли это, что я свободен от р-рабства?» А потом мой дух воспарил! Это было так пр-рекрасно! Кар! Так волшебно! Кар!

— Не ври, ты сперва нас чуть с ног не сбил, — возразила Доминика.

— Ну, тут ты подловила меня, пр-ризнаюсь! Да, я слегка… запаниковал. И начал метаться. Но потом…

Кузен вдруг умолк.

— Что потом? — не выдержал я.

— Потом я увидел ее.

— Кого?

— Искру.

— Врешь! — сказала Доминика.

— Пр-ри всех твоих достоинствах, уважаемая Доминика, ты кр-райне непочтительно относишься к нам, бессмертным. Кар!

— И не говори! — тут же отозвалась мать Елена.

Доминика лишь фыркнула в ответ.

— Я видел Искру и даже р-разговаривал с нею, — продолжил кузен. — Она смогла успокоить меня и объяснить, что со мной пр-роизошло. За что ей большое спасибо, кар!

— И как она выглядит? — спросила Доминика.

— О! Это самое интересное! Она удивительно кр-расива, кар! Но есть один, так сказать, нюанс.

— Какой?

— Искра — это девочка. Маленькая девочка, кар! Она, кстати, здесь, сидит на соседнем латыре, ножками болтает.

— Девочка? Как это девочка?

— Девочка. И весьма, скажу я вам, болтливая. Вот и сейчас тар-раторит не пер-реставая.

— И что говорит?

— Глупости всякие. О пичужках, о зайчатах, цветочках-лютиках, о птенчиках ор-рла, которых она однажды спасла от змея, заползшего в гнездо. Зовет полетать вместе с ней.

— Ну так полетай! Составь компанию барышне.

— Еще чего! Не пр-ристало мне, богу, летать под р-руку с какой-то малявкой, чтобы глазеть на птенчиков и умиляться, дескать, какая милота! Кар!

Кузен умолк, словно прислушиваясь к чему-то, и покачал головой.

— Отстань! Отстань, я сказал!

Мы с Доминикой переглянулись.

— Ты это кому? — спросила Доминика.

Но Хуан словно не слышал.

— Нет, не полечу! — сказал он, косясь в сторону, где, по его словам, и сидела невидимая девочка. — Не мешай взрослым обсуждать важные дела!

— А ведь не соврал, — сказал я. — Он действительно разговаривает с кем-то.

Кузен меж тем уже негодовал:

— Это я-то забавный чер-рный кар-рапуз? А ты, значит, старше меня? Что? Гор-раздо старше? И умнее? Кар! Неслыханная дер-рзость! Сопливая девчонка называет меня — царя зверей! — малышом и кар-рапузом! А еще глупеньким хвастунишкой! Ну, это уже ни в какие вор-рота! Ах ты маленькая негодница! Не пр-рощу! Отстань! Ну что за наказа-

ние! Может кто-нибудь избавить меня от ее назойливого общества? Нет? Пр-роклятье!

— Да, теперь я верю, что Хуанито видит и слышит Искру, — сказала Доминика. — Она порой бывает несносна.

— О да, — подхватила мать Елена. — Еще хуже тебя, дорогая. Однажды, только представь себе, опрокинула на меня ведро ледяной воды! Вырвала из лап Колючки и хоп!

— Ты же со мной не разговариваешь? — усмехнулась Доминика. — Забыла что ли?

— Ты знаешь меня — я отходчивая. Да и как обижаться на мою крошку?

— Не подлизывайся!

— Я, по-твоему, подлизываюсь? Ну всё, теперь я на самом деле обиделась!

* * *

Я решил пожить в Развалинах какое-то время. Две-три недельки. Отдохнуть, поохотиться, поплескаться в озере, позагорать, насладиться видами, привести себя в порядок, отрастить шевелюру и небольшую бороду, дабы изменить внешность.

И хорошенько обдумать дальнейший план действий.

Существовало еще две причины остаться. Первая: Доминике нужно время, чтобы прийти в себя после потери отца. (Да, я все-таки склоняюсь к мысли, что мастер воров погиб. Даже если он каким-то чудом уцелел, это уже не Вадим, а безнадежно искалеченный человек, жизнь в котором поддер-

живается благодаря воздействию извне. Например, магами инквизиции. Только зачем им это? Заманить нас в ловушку? Дескать, уж больно живучий претендьенте попался, пора бы ему пустить кровь!).

Без Доминики никак — только она может открыть портал в Развалины, в эту безопасную тихую гавань. Не лишним будет напомнить — у меня есть обязательства в ее отношении. Клятва, данная умирающему, священна.

Кроме того, девушка призналась, что ей пока тяжело возвращаться в Конгохас. Слишком горестно. Согласен, пусть остынет. Как гласит одна старая мудрая поговорка, месть — это блюдо, которое лучше подавать холодным.

Вторая причина: Хуан не просто переместился из одного тела в другое. Он получил новые способности, на освоение которых должно уйти какое-то время. Тут остановлюсь подробнее. В бахвальстве кузена, как ни странно, скрывалось немало истинного. Благодаря древнему латырю он вдруг заимел возможность подчинять своей воле зверей. И внедряться в их тела. Замечу — речь идет о исключительно о зверях. С людьми такой фокус не прошел.

Последнюю информацию я получил во время сокровенного разговора, поздним вечером, у огонька. Хуан ужинал куском сырого мяса, зажав его лапой, яростно отщипывая кусочки горбатым клювом и заглатывая, задрав голову.

Я глядел на эту сцену со смешанным чувством.

С одной стороны, это был тот же Хуан — надоедливый,

хвастливый, правда в одночасье избавившийся от мании справедливости и прочей чепухи. Повзрослел? — задался я вопросом. Одиозное сознание хищного пернатого повлияло? Ведь эти птицы славятся интеллектом.

С другой — я видел чуждое мне дикое существо, внутри которого сидел мой несчастный брат. Всё дело в нашем восприятии — исторически собаки нам ближе, нежели черная, как смоль, птица, говорящая крикливым гортанным голосом.

Ох не зря воронов традиционно считают слугами Ересиарха.

Но я маленько отвлекся. Кузен так и сказал:

— Я попытался овладеть твоим сознанием, Ар-ркадио, бр-ратец. Дабы вселиться. Но не смог. Даже близко не сумел подобраться.

Я застыл, не донеся до рта кружку с элем.

— Чего ты собирался сделать? — переспросил я, хотя и так прекрасно его понял.

— Так захотелось вновь стать человеком! Но, видно не судьба. Эх!..

— И когда ты хотел это провернуть со мной?

— Пр-рошлой ночью, когда ты спал. Не смог и баста! Кар!

То-то мне снился ворон, кружившийся надо мной.

— Тебе не стыдно, Хуанито, ми эстимадо примо?

Последнее я выделил особо.

— А почему мне должно быть стыдно? — как ни в чем

не бывало поинтересовался кузен. — Это тебе должно быть стыдно! Если бы…

— А ну тебя! — сказал я, отмахнувшись. — Я пошел спать.

— Не-не, постой, кар! Куда ты пошел? Нет, давай поговор-рим!

С недавних пор у меня нет сил спорить.

Кроме того, отныне кузен может видеть существ, подобных Искре. Я не до конца понял, кто она, эта маленькая невидимая девочка. Богиня, лишившаяся по какой-либо причине возможности вновь обрести тело? Гадать нет смысла. Важно то, что у нас впервые появилась возможность напрямую общаться с Искрой, контролирующей портал, взаимодействующей со всем, что нас окружает — с миром видимым и скрытым, с материей и теми, у кого имеется душа.

Тогда я не понимал, какую ценность представляет эта кроха.

Очень быстро Хуан осознал, что стал более значимым членом нашего маленького отряда. Да, у него не очень хорошо получалось «перескакивать» с тела на тело, звери его скорее пугались, нежели подчинялись, но с ростом мастерства я со всё возрастающей тревогой подмечал, что прежний юноша-идеалист уступал место злому и саркастичному божеству с завышенным самомнением.

* * *

Однажды Доминика предложила мне:

— Пойдем, погуляем?

— Куда?

— О, я покажу тебе такое, чего ты никогда не видел!

— Заинтригован.

— Нет, это не то, о чем ты подумал.

— А о чем я подумал?

— Не прикидывайся простачком!

— Честно, я ни о чем таком не…

— Мне-то можешь не говорить. Знаю я вас, мужиков, как облупленных. Не отставай!

Мы долго шли по еле заметной тропинке, болтая о том о сем. В последнее время настроение Доминики улучшилось, ей уже не терпелось возвратиться.

Она жаждала крови инквизиторов.

Миновали озеро — на зеркальной поверхности отражались кучевые облака; живописную долину — склоны скал покрылись зеленью; густой лесок, в котором было тихо, сыро и темно; взобрались на небольшую горную гряду и вдруг оказались на краю.

Безымянный остров завис посреди пустоты. Солнце, небо, облака исчезли. Вместо них родились звезды. И бездонная необъятная чернота космоса.

Мы сели, завороженные поразительным зрелищем. Доминика сжала мою руку, положила голову на плечо.

— Ничего не говори, — сказала она.

Глава 3. Говорят, птахи мучают детишек!

И вот, мы снова в Конгохас. Снова вдохнули этот тяжкий сырой промозглый воздух, поежились, с тоской взглянув на вечно сумрачные небеса. Долгие каникулы в Развалинах успели нас разбаловать. Даже мне слегка подурнело, не говоря уже о Доминике.

С заброской и отправкой назад теперь гораздо меньше проблем — Хуан напрямую контактирует с Искрой, а значит, может подсказать куда именно мы хотим попасть и уговорить открыть «мостик», дабы незаметно удрать.

Правда, для того, чтобы умаслить своенравную девчонку, кузену пришлось терпеть ее общество, слушать нескончаемую трескотню ни о чем, летать с ней по острову, рассматривать «малявошные диковинки» (котиков, птенчиков, зверушек, цветочки, ягодки, грибочки, ручейки и так далее), смеяться над детскими шутками (смех ворона — это что-то с чем-то, друзья! мурашки по коже) и не обижаться на проделки.

(Макание в озеро, то бишь веткой за лапу и бултых! — излюбленное баловство невидимки; не миновала эта участь и Хуана — его воронья сущность негодовала так, что Искра пару дней не отваживалась приблизиться к нему).

Чем только не пожертвуешь ради дела! Мое уважение! Однако частое общение с Искрой еще больше испортило характер кузена. Вскоре он возненавидел всё девчачье. Не раз изрекал мысли, близкие по настроению к сентенциям унылого рыцаря Гогина.

Вместе с тем мы условились не злоупотреблять путешествиями между мирами, чтобы не подвергать риску Развалины и не травмировать нежную психику девочки-невидимки. Только в крайних случаях и желательно с безопасного места. Лучше пусть она прячет нас в Боске Саградо где, кстати, любит отдыхать Могша-дудочник.

Я упоминал, что Искра обладает незаурядными способностями. Это касается и времени. Понятно, что Развалины находятся в каком-то секретном плане, где время течет по-своему, нелинейно с Конгохас. Так вот, невидимка может изменять ход времени внутри островка по своему усмотрению. Ускорять, замедлять. Незначительно, все-таки она не демиург, равный первому, например (справедливости ради отмечу, что мой драгоценный родитель так и не сумел подчинить своей воле это, как говорят философы, «необратимое течение»).

Две недели в Развалинах растянулись на месяц с лишком в Конгохас. Прекрасно! Не так много, чтобы обстановка изменилась кардинально, но вполне достаточно, чтобы страсти по улизнувшему претендьенте поулеглись.

Теперь о самом важном: в каком виде мы явились сюда?

Ведь наши с Доминикой физиономии примелькались. Тут на помощь пришел Могша. Старый бог торговли рассказал нам о жрецах с затерянного в море Мрака острова под названием Туга. Словечко означает «печаль», если кто не понял.

Город Скорбь, море Мрака, Туга… Кто придумывал эти названия? Уж не Гогин ли?

Жрецы с Туги интересные ребята. Они верят в бога, известного как эль Птахо.

— На самом деле — Птаххотеп, — сказал Могша.

— Как-как? — поморщился я.

— Птаххотеп, и тебе надо запомнить это имя. Иначе какой из тебя жрец?

— Проклятье! У меня нетерпимость к сложным названиям.

— Потер-рпишь, ничего! — сказал кузен. — Как я терпел эту маленькую дикарку.

— А можно без этого всего?

— Нет, — сказал Могша.

— Проклятье!

— Сочувствую.

— Как там? Пта… Птах…

— Птаххотеп.

— Ну-ка еще раз — Пта…

— Птаххотеп.

Жрецы с Туги носят маленькие черные окуляры — такие круглые, с проволочками, которые суют за уши. Очки, если

воспользоваться названием, что в ходу в некоторых мирах.

— …ибо взгляд жреца Птаххотепа несет в себе проклятье! — сказал Могша.

— О! — сказал я. — Уже интересно.

— Птаххотеп — божество, представляемое в виде ворона, — продолжил торговец. — По этой причине в монастырях жрецов с Туги разводят этих пернатых. Вороны считаются ангелами, несущими в себе божественное начало, да-да, не смейтесь. Каждый священнослужитель всегда и всюду ходит с вороном на плече. Причем вороны умеют разговаривать. Их вороны предсказывают будущее. Своего рода оракулы. Остальное — неважно, можете додумывать сами.

— Оракулы? — произнес кузен. — А это еще интересней!

Дьявольские жрецы с Туги — редкие гости в Конгохас. О них ходит множество зловещих слухов. Разумеется, инквизиция недолюбливает их, но…

— Слуги Птаххотепа платят хорошие деньги за детей, из которых они делают «неприкасаемых» — немых рабов с изуродованными лицами, — продолжил Могша.

— Какой ужас! — изумилась Доминика.

— Это чтобы не было соблазнов и они могли сохранить чистоту пред лицом бога-ворона, — объяснил торговец. — Неприкасаемые всегда скрывают лица повязкой — видны только глаза. Притрагиваться к ним — плохая примета, поэтому их обходят стороной.

— Неприкасаемые? — задумчиво сказал я. — То есть los

intocables? Или лучше сказать los marcados, меченые? А как бы выразиться на высоком готике, а? О, придумал! Nefandi — те, о ком нельзя говорить! Полагаю, Алехандро бы понравилось…

— Я не очень хорошо разбираюсь в этом твоем готике, ни в высоком, ни в низком, — прервал мои разглагольствования Могша. — И я не думаю, что в городе найдутся подобные тебе фантазеры, потому, дабы строго соответствовать легенде, выражайся так, как выражаются птахи. Неприкасаемые и точка.

Однако, всё вышесказанное свидетельствует о том, что алчность инквизиторов не имеет границ. Поговаривают, сам Фердинанд Тисон не гнушался сотрудничеством с этими колоритными товарищами. Если они наносили визит, что случалось нечасто.

— Идеально! — сказал я. — Словно по заказу!

— Как хорошо, что я превратился в ворона! — сказал кузен.

— А я, значит, буду всего лишь рабыней? — сказала Доминика недовольно. — Девкой, которую хотели продать для утех, была, теперь вообще предлагаете стать чем-то хуже грязи? Как ты там сказал? Интокаблес? Нефанди?

— Увы, Доминика, — развел я руками.

— Почему нельзя стать… женой жреца? Или сестрой? Дочерью?

— Жрецы Птаххотепа не приемлют телесный контакт, —

объяснил Могша. — Они дают обет безбрачия.

— Но я не хочу!

— Смир-рись, непокор-рная! — каркнул кузен.

— Иди ты!.. — огрызнулась девушка.

— В таком мире живем, — сказал я примирительно. — Зато нас никто не узнает и не будет приставать понапрасну. Под шумок мы можем расспросить местных о слухах, о том, что творится в городе. Идеально.

— Вы должны понимать и быть готовыми к тому, что Инквизиция обязательно выйдет с вами на контакт, — заметил Могша.

— Превосходно! — хлопнул я в ладони. — Уж я смогу заговорить зубы Тисону и его шобле, не сомневайтесь! Только один вопрос, Могша.

— Слушаю.

— Что ты делал на Туге?

— Торговал. Там живут люди и у них есть товары. И потом, несмотря на зловещий лоск, вера тугачан вполне себе миролюбивая. Да, один момент — жрецы Птаххотепа никому не говорят своих имен. Имена знает только их божество и более никто. Запомни это и не попадись!

У старика нашлось подходящее обмундирование —ряса из грубой мешковины с капюшоном, под которым скрылся весь мой обвес: меч Плачущего короля, кинжал древнего вельможи из катакомб, пистолет Могши, нож Симеона-эрреро, метательные ножи (я пополнил запас — теперь их снова

шесть штук), на поясе — рожок с обычным порохом и еще один с заговоренным, польво де плата.

У Доминики под ее белым одеянием со знаком ворона на груди — пара кинжалов, маленький пистолет и легкая кольчуга — подарок Могши. Если честно, царский подарок, мне бы такую. От ее фирменного мини-арбалета пришлось отказаться. Как мне от шляпы. Теперь я больше всего похожу на хрестоматийного бога-убийцу из пантеона Ересиарха. Или Темного, если хотите.

В холщовой сумке, которую носит Доминика, три лечебных зелья, баночка с ранозаживляющей мазью (рецептура моя фирменная на основе луговых трав, усиленных магией, единственное средство, которое я могу сам изготавливать), глифы для кузнеца, пустые кольца для зарядки магией (я не теряю надежды напитать их вик санктой, возможно в Обсерватории), последнее зелье ярости, поцио фурорис.

И конечно, мое верное ржавое кольцо на пальце.

Кроме того, я взял жестяную коробочку с истолченной в порошок смесью сушенных полезных трав и ягод (благо, здесь в них недостатка нет) с добавлением серебряной толчеи. Если в отвар капнуть крепкой водки, то выйдет неплохое отхаркивающее противовоспалительное средство. Помнится, как-то в одном суровом местечке, в Ахталионе, я так лечился от болотной лихорадки, которая не щадила никого, даже бессмертных.

Пригодится.

Забыл упомянуть, в кармане у меня еще одно колечко. Помните, в кабинете герцога-камерария Константино я в последний момент заметил и прихватил колечко, с узорами, дорогое и явно напитанное священной магией? Так вот, кузен сильно удивился, увидев его. Оказывается, это его изобретение. Разумеется у колечка имелось пышное название на высоком готике, но я не стану приводить его, ибо оно весьма сложное и нечитаемое, язык можно сломать. Кузен рассказал, как действует кольцо.

Но я пока об этом умолчу. Сохраню интригу. Хотя, зная чем страдал в свободное от ничегонеделания прежний эль хустисьеро дивино, можно предположить, что за эффект оно дает…

* * *

Первое местечко, которое мы посетили — знакомая нам таверна «Три мертвых таракана». Стоило там появиться согбенному парню с посохом в руке, в волочащемся по земле черном рубище, с черными очками на носу, с черным вороном на плече, да еще в сопровождении покорно склонившей голову «неприкасаемой» в кричаще-белом платье, как все взоры тут же уставились на нас.

Я подошел к прилавку, положил на стол с полдюжины мараведи.

— Мир вам, почтенный и благословение всевышнего! Пива, милейший, хлеба, пару ребрышек — для меня и моего приятеля.

— Вашему проклятому слуге мы не подаем, — осторожно сказал трактирщик. — Ведь он наверняка заразный! Болтают, что у птахов-то того — слуги то ли бешеные, то ли чумные…

— Гр-рядет стр-рашный суд Птаххотепа, гр-розного судии! — оглушительно прокаркал кузен, хлопнув крыльями. — Да обр-рушит он огнь священный на головы нечестивцев!

— А вот и приятель, — сказал я улыбнувшись и указав на птицу. — А насчет слуги не волнуйтесь — он не заразный. Не чумной и не бешеный.

— Но ведь говорят…

— Враки.

— Не врете?

— Да покарает меня господь, если я обманываю вас, милейший кабальеро!

— Бездна ждет вас, святотатцы! — снова проорал Хуан.

— Не обращайте на него внимание, — извиняющимся тоном сказал я. — Ничего другого он говорить не может. Он еще молод, толком не обучен. Мы присядем на тот столик, в углу. А мой слуга постоит, никому не помешает. На людях он не ест и не пьет — запрет, знаете ли. Мир вам, почтенный! — добавил я, сложив ладони и поклонившись.

— Гр-рядет стр-рашный суд Птаххотепа! Гр-решникам не выжить! Покайтесь, пока не поздно!

— Мир и вам, — скривившись, сказал трактирщик. — Только одна просьба — можете попросить своего приятеля,

чтобы не надрывал так свою глотку? А то посетителей мне распугает.

— А вы накормите его, он и перестанет.

— Хорошо.

Я присел в углу, как и обещал. Пока надо осмотреться.

— Ради всех богов, Хуанито, — тихо сказал я. — Не каркай ты так, я чуть не оглох на правое ухо! И не увлекайся!

Мы зашли именно в «Три таракана» не просто так. Доминика вспомнила об одном неплохом кузнеце, который вроде как имел навыки работы с магическими предметами. Настоящий эрреро-магикус, один из немногих. Звали его Пломо. Правда он был стар, подслеповат и чрезвычайно сварлив. Язвителен, авторитетов, даже с божественным статусом, не признает. С ним придется туго, предупредила Доминика. Придется искать подход.

Ничего, денег у нас хватает, а уж ворчунов я немало встречал на своем веку. Мне бы попробовать с ним завести разговор.

Пока я сидел, ковыряя вилкой в тарелке и прислушиваясь к разговорам (сразу скажу, о претендьенте не услышал ни слова), ко мне вдруг подсел толстый и неряшливый монах, служка местного культа Люминозо.

Маленькая справочка — культ Люминозо, иначе Люкс Деус, тут не особо популярен. Из-за Инквизиции. Местные уверены — бог покинул их, превратив этот клочок земли в юдоль скорби. Отдал на потеху Темному. И на растерзание

распоясавшимся инквизиторам.

Хе-хе, народ недалеко ушел от истины. Если верить преждевременно почившему (благодаря ретивому слуге с ружьем в кривых руках) герцогу Константино, портал запечатан обезумевшей забытой богиней, именуемой Девой. По этой причине храм, где когда-то отправлялись пышные богослужения, превратился в казематы Инквизиции — тот самый Трибунал дель Санто-Официо, а церковникам была отведена роль чисто номинальная.

Так-так! Немного неожиданно, подумал я, глядя на сальную пухлую рожу монаха. Не слишком ли нагло он ведет себя? Видимо, этому есть причины. Также, их убогонькая церквушка находится подле апартаментов Тисона и компании. Неожиданный гость наверняка знает все подробности из жизни Инквизиции.

А раз так, попробую выудить из него информацию. Придется стерпеть нападки — вон как его перекосило! — но ничего. Не впервой.

— Ага! — сказал монах, небрежно поставив перед собой миску с густой гороховой похлебкой — немного бульона расплескалось на щербатый стол. — Кого я вижу?

— Кого? — вежливо осведомился я.

— Тех, по кому плачет виселица, — ответил монах, покрошив в похлебку хлеб.

Однако, какой невоспитанный человек! Не представился, не спросил разрешения.

— Не расслышал ваше имя, милейший кабальеро… — начал я, но монах не дал мне сказать:

— Я бы посоветовал тебе убраться отсюда, подобру-поздорову, еретик!

Я натянул на себя самую вежливую улыбку, какую смог, уперся локтями о стол, пальцы сплел.

— На чем основывается ваше, осмелюсь спросить, чересчур вызывающее утверждение?

Монах уже принялся шумно и неряшливо хлебать похлебку. Кусочки гороха, лука и мяса не всегда достигали места назначения, застревая на путанной бороде.

Опустошив половину миски и вытерев губы рукавом, на котором не осталось живого места, настолько сильно он покрылся грязной пленкой, толстяк, наконец, соизволил ответить на мой вопрос.

— Чего ты там тявкнул, еретик? Основания тебе нужны? Скажу прямо — таким, как ты, основания не нужны. Петля на шею и готово! Была бы моя воля, всех бы вас перевешал, еретиков!

— Из сказанного вами следует, что вы считаете мою веру ложной?

— А какой же еще?

— Мм… любопытно.

— Огнь священный! — каркнул кузен. — Гр-решники! Да испепелит их всемогущий!

— Ты бы засунул свою чертову птичку куда подальше! —

сказал монах, пригрозив мне ложкой. — Пока я сам не свернул этому дьявольскому отродью шею. И я сделаю это, так и знай!

Хуан в ответ нахохлился, но я поспешил успокоить его, похлопав по лапке.

— Позволено ли будет мне высказать свое мнение, достопочтенный сеньор, раз уж вы сами подсели за мой столик?

— Мне плевать на твое мнение, еретик.

— И всё же, я выскажусь.

— Гр-рядет стр-рашный суд… — снова завел свое кузен.

— Тихо-тихо, друг мой, — сказал я. Хуан чересчур вжился в роль птицы-оракула, как мне кажется. Надо охладить его пыл, а то наломает дров. — Уверен, наш гость пребывает в плохом настроении, и совсем не хочет навлечь на себя проклятие Птаххотепа. Спокойно, друг мой, спокойно.

Словечко «проклятие» немного выбило спесь из монаха. В каком-то смысле он был несчастным человеком, со слишком выразительной мимикой, чтобы скрыть от меня свои мысли. А о чем может мыслить мелкий церковный служка, так и не одолевший внутренних демонов — обжорства и пьянства? Чего хочет обрюзгший человечище, с целым ворохом болячек, которые так или иначе приведут его к преждевременной смерти? Какие чаяния у недоучки, не сумевшем преодолеть лени и оттого, может быть, так и оставшимся презренным полудурком?

Я знаю таких хорошо. Они слишком глупы, чтобы осо-

знать собственную никчемность и ограниченность. Поэтому с такими надо только так:

— Стоит мне снять очки, а моему другу изречь подходящее заклинание (а я напомню, мой ворон — божья птица!), и ты умрешь в течение дня в страшных муках.

Монах на минуту остолбенел. Но тут служанка принесла ему увесистую кружку пива, которую он незамедлительно опустошил.

А рука-то дрожала!

— Только попробуй это сделать, и ты окажешься на виселице! — сказал он, хлопнув кружкой и рыгнув.

— Но вы-то уже будете мертвы, — возразил я. — Поймите меня, милейший… не знаю, как вас зовут, к сожалению… Виселица для меня — не самое страшное. Страшнее видеть и слышать, как поносят мою веру. В то же время и я вас прекрасно понимаю. В связи с этим я предлагаю помириться.

— Не собираюсь я с еретиками мириться, еще чего! И мне тоже смерть не страшна, знаешь ли! Ничего, ничего, его высокопреосвященство сеньор инквизитор Тисон уже взялся за вас, еретиков…

Вот-вот, ближе к теме!

— Взялся именно за нас, благословенных милостью Птахотепа?

— Э… пока нет, но и до вас очередь дойдет, уж не волнуйся, еретик! Как разобрался с шайкой герцога-некроманта, замыслившего убить его высокопреосвященство и изве-

сти святой орден Инквизиции в угоду приспешнику Темного, орудовавшего тут не так давно, так и до вас, извергов, очередь дойдет! Давно пора была разобраться с вами со всеми…

Монах определенно завелся. А вторая кружка пива, которую я преподнес ему в дар, лишь развязала ему язык. Вот какие удивительные вещи он рассказал:

в городе орудовал «особый посланец Темного» — падший претендьенте, лукавый, дьявол, до невозможности. Благословенный Люминозо низверг его в Конгохас, дабы он угомонился, но бес оказался прыток и изворотлив, в кратчайшие сроки завлек в свои сети всех тайных прислужников Темного, среди которых были Марго-упырица, разбойник и головорез Дарко, зверь из кладбища, известный, как эль Реклусо, а также, как вишенка на торте — сам герцог-некромант. Но доблестные слуги Люминозо, осиянные его божественным светом инквизиторы и альгвасилы всех уничтожили.

Конец истории.

Сказанное убедило меня в том, что Тисон состряпал хорошую мину при плохой игре. Как-то же надо объяснить народу, что за бедлам творился в городе месяц назад?

— Ходят слухи, — болтал монах, — якобы бес улизнул. Вместе со своей полюбовницей, воровкой и демоницей, каких поискать. Но ты не верь этому — я со всей ответственностью могу сказать, что они оба томятся в казематах, а его вы-

сокопреосвященство допрашивает его, дабы разузнать обо всех заговорщиках. Уже вздернуто много еретиков, и ты, сволочь, на очереди! А еще я бы на месте его высокопреосвященства сеньора Тисона приказал извести всех ворон и собак, как живность гадкую, напрасную и пакостную! Тьфу на тебя, мелкое отродье!

И монах плюнул на кузена, что внимательно его слушал, спустившись с моего плеча.

А вот этого не следовало делать. Хуан вконец воспылал гневом. Сел монаху на голову и начал клевать его прямо в лоснящееся от пота темя. Монах заверещал, замахал руками, но кузен каждый раз ловко избегал захвата — взлетал, опускался и снова — и тюк по лысине! Всю раскровил. Усердие ему добавляли подбадривания посетителей. Оказывается вызывающие речи монаха только рассердили людей. Уверен, если бы не Хуан, кто-нибудь из местных точно расквасил толстяку морду.

Я предпочел не вмешиваться. Так и сидел, излучая дружелюбие. Доминика прыснула со смеху, но из-за поднявшегося шума этого никто не заметил.

Кончилась экзекуция полным провалом для монаха: после очередной попытки убрать с головы ворона, он задел миску — и остатки гороховой похлебки вылились ему на пузо. А потом монах и вовсе упал. Сцена вышла в высшей степени занимательной.

В этот момент в таверну вошел маленький вертлявый ста-

ричок в кожаном переднике, усыпанном язвочками от искр.

Доминика тут же толкнула меня в бок.

— Я уже понял, что это и есть Пломо, — произнес я, продолжая улыбаться. Кузен, решив поднабраться сил после эпической битвы с безобразным дьячком, злобно отщипывал куски мяса от ребрышек.

Кузнец Пломо чуть не споткнулся о монаха, со стоном пытавшегося поднять свое грузное тело.

— Чтоб ты сдох! — крикнул донельзя противным скрипучим голосом Пломо, сжав кулаки. — Что ты тут раскорячился, точно престарелая потаскушка? Что ты тут вертишь своей жирной сракой, убожество? Видать, хочешь, чтобы я дал тебе пинка?

— О-о-о… — слезливо простонал монах, попытавшись уползти в сторону и осторожно притрагиваясь к ранам на голове.

А кузнец уже разъярился не на шутку:

— Ненавижу, когда встают у меня на пути!

— Так его, Пломо! Так его, старина! Наподдай еще! — раздались пьяные выкрики.

И Пломо-эрреро с завидным усердием выполнил обещание — приложился сапогом по пятой точке бедного монаха, который, сам того не заметив, размазал лицо кровью.

— Ты погляди, как его зад колышется! Врежь как следует, старый!

— Еще разок? А пожалуйста! Что, не нравится? На, по-

лучай! Раскорячился тут, вишь ли… Сдохни, тварь!

Последнюю фразу кузнец выпалил монаху прямо в окровавленную башку, окропив ее, тем самым, еще и слюнями.

М-да…

— А другого, более миролюбивого кузнеца не найдется? — спросил я растерянно.

Глава 4. Дуракам наука

Горемычный толстяк-монах, побитый и униженный, охая и прикладывая тряпицу к голове, убрался из трактира прочь. И мне было его жаль. Такой уж я — сострадательный, человеколюбивый. Совестливый вор. Явление редкое, тем более среди богов (но это так, по секрету!).

Я отсыпал горемыке горсточку медяков и попросил не обижаться на ворона. Ведь он еще молод, толком не обучен. Глуповат.

— Я помолюсь за вас, милейший кабальеро! — кланяясь, говорил я ему вслед. — Да пребудет с вами благодать Птахотепа! Идите с миром и не держите в сердце зла!

— Горите в аду, еретики! — буркнул монах, уходя.

— О да, гр-решники будут гор-реть в аду! — прокаркал кузен, глядя на меня. Перевожу: «глупый, значит? ах ты сволочь! я тебе это припомню».

Тем временем Пломо и далее буйствовал — сквернословил, обзывался и щипал служанок. Отчего-то трактирщик терпел его выходки, а многие посетители и вовсе предпочли уйти.

Досталось и нам.

Несмотря на плевки и оскорбления, кузнец нужен был позарез. Даже кузен понял это, а потому предпочел переждать наше общение на крыше заведения — уж больно гневался

братец. На меня, на монаха и на кузнеца.

В общем, на редкость корявым человеком оказался наш кузнечных дел мастер, эррера-магикус, черт его возьми. Глядя на него, закрадывались сомнения в том, что он вообще способен хоть что-то сделать, самое простое, например, подкову изготовить. Но выбора нет. Надо как-то смирить смутьяна.

Впрочем, тактика выработалась очень быстро — Пломо отчего-то хотел напиться (как выяснилось потом, так он «отмечал» некий памятный день, когда что-то случилось в его жизни, что именно — история не сохранила). Ваш покорный слуга помог ему в этом. Сначала опосредованно — кузнец не хотел иметь дела с «вороньем» и «детоубийцами», затем, дойдя до кондиции, как ни в чем не бывало братался со мной, проливая крокодильи слезы и вспоминая, что вот онто смог!

Что именно «смог», также выяснить не удалось.

Ближе полуночи он отключился. Мы с Доминикой несли его практически бездыханное тело до самой кузницы. Пломо всю дорогу горланил нечто, отдаленно напоминавшее песню, а мы, избегая ненужных расспросов и неприятностей, расплачивались со встреченными на пути стражниками серебром из запасов герцога Константино.

Стражники — ребята ушлые. Чтобы нас не оттащили за шкирку куда не следует, мне пришлось пустить в ход всю мою изворотливость. Я с упоением вешал лапшу на уши

этим ребятам! Тем не менее, я предусмотрительно спер у одного увальня кое-какую весьма примечательную вещичку, которая должна будет помочь укротить норовистого кузнеца.

Отдав старика в руки мальчишки-подмастерья, выглядевшего так, будто он весь день оплакивал какую-то ужасную потерю, мы, заплатив пацану за неудобства и в счет компенсации грядущей порки за привод гостей без разрешения, переночевали у кузнеца в сарае.

Едва забрезжил рассвет, мы вчетвером, включая подмастерье, стояли у кровати кузнеца. Выглядел Пломо отвратительно — лицо распухло, глаза налились кровью. Разлепил глаза пьяница, увидел нас, отшатнулся и спросил:

— Вы кто такие, мать вашу? Пошли вон! Эй, дурень! Ты где, мать твою?

Мальчишка вздрогнул, втянул голову в плечи. Кузнец пронзил его лютейшим взглядом.

— А, ты здесь, гадкий мальчишка! За каким ты пустил их сюда? За каким ты, негодник, пустил в дом это ворьё? Ты сбрендил, мать твою? Мало я тебя, недоумка, порол?

Кузнец явно заводился, а похмелье только добавляло ему злости. Пора сделать ход, пока ситуация не вышла из-под контроля. Я швырнул ему в лицо свернутый лист бумаги.

— Что это?

— Прочти, милейший сеньор эррера, и поймешь.

— На, недоносок, прочитай, — сказал кузнец, протягивая свиток подмастерью. Кузнец был неграмотен, что неудиви-

тельно. А вот подмастерье наоборот, грамоте обучен. Чему также не стоит изумляться — многие мастера предпочитают брать в ученики парнишек ученых. И дебит с кредитом помогут свести и договор прочтут, на «подводные камни» укажут.

Мальчишка, краснея и заикаясь, успел озвучить только заглавие: «индульгенция».

Да, друзья, я своровал у стражника бумагу, дарующую прощение в грехах. У каждого стражника за пазухой парочка таких. Здесь так заведено. Своего рода санкционированный властью в виде главного инквизитора Тисона шантаж граждан — кидай мзду на лапу, сволочь, доноси, гни спину, раболепствуй или будешь повешен, отправлен на галеры, в казематы или с камнем на шее на дно морское.

И зачем мне эта бумаженция? А затем! Такие штуки дают простор фантазии. А уж импровизировать я могу. Вы скажете, зачем такие сложности? Эмбрухо, и дело с концом. Доминика с Хуаном ночью предложили то же самое.

Ответ: заклинание не вечно, пройдет и обман вскроется. И что в таком случае выкинет столь строптивый товарищ, как Пломо? Я напомнил Доминике о реакции на поцелуй, когда я снял с нее дурман.

Рисковать нельзя. Как-то говорил, повторю снова — лучше обычного слова магии нет. А что касается эмбрухо… Это заклинание действует кратковременно и если у подопытного за душой имеются серьезные грешки, то могут возникнуть

непредвиденные обстоятельства. В виде вспышек ярости и чего-то подобного.

Магнетизмо часто путают с покаянием. А зря.

Короче, инквизиционная бумажка привела Пломо в шок. Побледнел еще пуще прежнего.

— Для кого это? — спросил он. — Не-не, не для меня точно!

— Ты ничего не помнишь? Ай-яй-яй!

— Пошли вон! — заорал кузнец, сорвавшись на визг. — Или я стражу позову!

— Зови. И стража придет. Сеньор альгвасил в сопровождении доброй дюжины крючков. Но кому от этого будет хуже? Ведь я взял тебя, милейший, на поруки.

Пломо с минуту остолбенело глядел на меня, затем спросил:

— Что я натворил?

— Неужели ничего не помнишь?

— Ничего, как отрезало.

— Совсем ничего?

— Помню, как лупил жирного монаха по жопе… О нет!

— Да, милейший, ты разбил кружку с пивом о его голову. Ты бы видел беднягу — всё лицо кровью залило.

— Что еще?

— Мне неудобно говорить, но что поделать — вера запрещает лгать. Ты помочился на площади. При всем честном народе. Да еще и фривольные песенки распевал. Весьма

фривольные.

Насчет песен — правда.

— Не может этого быть!

— Разве? — невинно поинтересовался я и демонстративно поморщился.

Видимо, кузнец тоже унюхал запах. Оказия случилась по причине недержания, вследствие злоупотребления горячительными напитками, но он-то этого не знал!

Я всегда говорил — пьянство вредит здоровью.

Пломо сразу помрачнел.

— Этот проступок сильно разозлил стражников, — сказал я. — Если бы не мы, сидел бы ты сейчас где-нибудь в каменной кишке. Правильно я говорю?

Последний вопрос я адресовал моему ворону.

— Гр-решники будут гор-реть в аду! — привычно проорал кузен, для пущего эффекта похлопав крыльями.

Пломо неожиданно усмехнулся.

— Понятно. И чего вы хотите в обмен на свою услугу? Только не рассказывайте мне байки о своем вороньем божке! Все вы одним миром мазаны, сволочи!

— Не будем, не волнуйся. Нам нужно вживить эти глифы.

Я показал ему искомые предметы. Пломо грязно выругался.

— Так и знал, гадость предложите, — сказал он. — Вы разве не знаете, что подобные вещи делаются только под контролем Инквизиции?

— Знаем.

— И не боитесь?

— Не боятся только глупцы. Однако насчет ребят сеньора инквизитора можешь не переживать — уже то, что я смог без труда выбить индульгенцию, должно о многом тебе говорить.

— Вот же изверг… — проворчал он, сев на кровать и пригладив седые волосы враскоряку. — И не жалко тебе, мучителю, детишек изводить?

— Насчет «изводить» — уверяю тебя, это побасенки. Детишкам у нас почет и уважение.

— Да? Скажи это своему слуге.

Доминика не шелохнулась. Молодец, красавица, — пока играет роль безукоризненно.

— Послушай, может делом займемся? — сказал я.

— Да на кой мне ради вас корячиться? Может сдать вас властям? Пущай вас в каменный мешок посодют! Всех троих, вместе с вашим пернатым отродьем!

Вот черт, разговор зашел в тупик. Ничего, попытаемся выкрутиться.

— Давай так, милейший сеньор эррера, — сказал я, придвинув к кровати стул и усевшись на него. — Начистоту. Нам нужно активировать эти глифы. Где мы их достали — вас не касается. Зачем нам это надо, могу ответить: мир жесток и опасен, а о нас, слугах Птаххотепа, ходит много нехороших слухов, кои, знаете ли, провоцируют людей на опрометчивые поступки. У нас благородная миссия и мы хотим выполнить

ее, оставшись целы и невредимы. Вы — единственный мастер, способный проделать эту работу. Вас народ хвалит. Исходя из этого у нас два сценария — либо мы предстаем пред очи его высокопреосвященства (скажу по секрету, он меня знает хорошо, как и мою щедрость), либо… может, перейдем на «ты»? Вот и хорошо. Так вот, либо ты, друг мой Пломо, выполнишь наш заказ, заработаешь деньжат и выпьешь за наше здоровье. Заодно и свое поправишь. Это понятно?

— Ведь не отстанете, я прав?

— Совершенно верно, милейший сеньор эррера, не отстанем.

— Ладно, давайте сюда ваши камни, — сказал он недовольно.

— Э нет, только под нашим контролем.

— Как же вы мне надоели, кто бы знал! Эй, ты, сопля недоношенная! Чего вылупился? Разжигай горн!

* * *

Глифование — процесс не сложный. Всего-то надо нагреть глиф до определенной температуры и вовремя поднести оружие либо доспех, чтобы пропитать высвободившимся заклинанием. В общих чертах.

Дьявол, как говорится, заключается в деталях.

Во-первых, какой именно эффект заключен в камне, знает только создатель камня. Самый искусный кузнец максимум может разгадать предназначение — защита или меч.

Во-вторых, попытка только одна — недогрев, перегрев

одинаково успешно уничтожают заклинание. Может дойти до разрушения глифа. Кроме того, жар может испортить клинок или латы.

Есть и третий момент, но о нем ниже.

Зато успех дает весьма ощутимые преимущества. В этом и смысл — заклинание само подпитывается вик санктой и срабатывает сразу, мгновенно. Как зачарованные перстни и прочие магические штуки. Но перстни перстнями, а тут меч — и без того грозное оружие — может обогатиться новыми свойствами. Выгода вдвойне.

Нам повезло — Пломо оказался мастером своего дела. Яркое подтверждение знакомой всем поговорки, гласящей, что мастерство не пропьешь.

Сначала он критически осмотрел глифы, постучал ими о наковальню, поплевал на них, растер пальцем. Вряд ли он понимал, что означают полустертые символы, нацарапанные на камнях, но виду у него был уверенный.

— Ну-ка, малец, поди сюда, — велел он подмастерью, суетившемуся у горна. — Глянь-ка! Что скажешь?

Мальчишка так же внимательно осмотрел камни.

— Вот этот, — уверенно сказал подмастерье, показав глиф с вертикальными черточками, которые я принял за стилизованную букву «Ш», — связан со стихией. Возможно символ означает огонь. Думаю, он предназначен для клинка, мастер.

— Ага, — скорчив серьезную мину, сказал кузнец. — От-

ложи его в сторону, бери другой.

— Этот для брони, — столь же уверено сказал подмастерье. — Перекрещивающиеся кольца — знакомый глиф. Дает неуязвимость не только от колюще-режущего оружия, но и уберегает от огня, льда и прочих… э… вещей.

— Правильно, балбес, бери третий.

А вот последний глиф был незнаком юному всезнайке. Он растерянно повертел его в руках и пролепетал:

— Простите, мастер, но я не… не узнаю. Черный круг, это что-то…

Мальчишка нервно сглотнул.

— И я тоже об этом подумал, — сказал кузнец.

— И что с ним… э… что с ним делать?

— Положь его. Мы поработаем с ним последним. Есть у меня подозрения насчет него.

Пломо посмотрел на нас.

— Ну, что скажете?

— О чем? — спросил я. — Об уровне знаний вашего ученика? Он — молодец, однозначно!

— Нет! — сердито возразил кузнец. — Мальчишка не молодец! Молодец — я! Я всегда говорил, ежели ученик в деле хорош, то это заслуга учителя. Ученик завсегда болван и неуч, но под контролем мудрого учителя он превращается в ограненный алмаз. Он будет молодцом, ежели станет самостоятельно делать вещи, равные учительским, но до того — будет исключительно болваном и неучем. Верно я говорю?

— Верно, — потупив взор, сказал подмастерье.

— Кто молодец, ну-ка?

— Вы, мастер.

— А ты кто?

— А я болван и неуч, мастер.

— То-то. Приступаем. Щипцы! Встань рядом, внимательно наблюдай, а то у меня глаза уже не те. И смотри не проморгай, а не то как вдарю! Пожалеешь, что на свет родился, болван! Так, а вы готовьте меч и… что там у вас? Нужна бронька! Несите сюда, положьте вот тут, на стол.

Я посмотрел на Доминику.

— Один момент, милейший! — сказал я кузнецу. — Я сниму со слуги кольчужку! Для этого нам нужно уединиться… ну, вы понимаете, о чем я.

— Понимаю, понимаю… — проворчал Пломо, провожая нас презрительным взглядом. — А чего ж не понять-то. Изверги и есть. Детишек мучают…

В отношении первых двух камней глифование прошло на ура. Подмастерье продемонстрировал завидную наблюдательность, оба раза предлагал вынимать из огня раскалившиеся докрасна камни в самый нужный момент, затем сноровисто подносил сначала меч, а потом и кольчугу Доминики.

Вырвавшееся из глифов заклинание невозможно увидеть, поэтому то, как Пломо водил им туда-сюда под мечом Плачущего короля, а затем под кольчугой, которую мальчик ста-

рательно расправлял, со стороны представилось бессмысленным занятием.

Зато эффект, скажу я вам! Пломо с размаху хватанул моим клинком по чушке по дворе — спустя мгновение мы узрели две тлеющие половинки. Повесил на гвоздь кольчугу и несколько раз ткнул в нее раскаленной кочергой, затем бросил ее на землю, рубанул топором — ни одной вмятинки и подпалины мы не увидели.

Но не успели мы удивиться, как кузнец с учеником взялись за последний глиф.

— Бери щипцы, держи крепко и смотри в оба, дурень! — сказал Пломо, хватая кувалду. — Чуть что — бросай на наковальню.

Я уже смекнул, что с глифом что-то не так. Через пару минут опасения подтвердились:

— Мастер! — завопил подмастерье. — Бес, мастер! Бес лезет!

Тут же по кузнице распространился жуткий едкий запах. Вместе с дьявольским шепотом, заставившим похолодеть от страха даже меня.

— Что ты орешь, как резаный? — рявкнул на него Пломо. — Сюда его, быстрее, тупица!

Ученик вынул глиф из огня, положил его на наковальню, кузнец с одного мощного удара раскрошил его вдребезги.

Тут же всё прекратилось. Только запах остался.

— Ух, успели! — сказал Пломо, вытерев рукавом лоб. —

Еще чуть-чуть и конец бы нам наступил… Эй, парень, открой ворота пошире, дышать нечем.

— Что это было такое? — спросил я.

— Обманка. В этом глифе был заключен бес. Нечистый дух. Такое бывает.

— Серьезно?

— Кар! — вдруг подал голос кузен. И легонько клюнул меня по голове, дескать, ты — идиот, Аркадио.

Да, надо было показать ему глифы и посоветоваться. Однако, опасность миновала и никто не пострадал.

— Чего это он? Чего твоя птица тебя по тыкве бьет? — поинтересовался кузнец, зачерпнув кувшином из бочки у стены воды и вылив ее прямо себе на голову.

— Не обращай внимания. Лучше скажи, что было бы, если тот дух вырвался?

— Ничего хорошего, это точно. А за такие подлянки, сеньор как-вас-там, нужно пороть. Жестоко.

— Приношу свои нижайшие извинения.

— Да что мне твои извинения, воронок!

— А, я понял! Разумеется, мы заплатим. Один момент!

— Вот это другой разговор. Надеюсь, будет надбавка за риск.

— Не вопрос!

Мы вышли во двор. Я вручил ему небольшой кошель, набитый серебром и жемчугом. Пломо скептически взвесил награду в руке и кинул подмастерью.

— Ну, доволен? — спросил я.

— А ты? — спросил он.

— Очень, — ответил я. — Спасибо вам обоим.

— Кому это «обоим»?

— Тебе и твоему ученику.

— Моего ученика не за что благодарить. Еще чего!

— Вы несправедливы к нему. Мальчик явно обладает талантом, он дисциплинирован, расторопен и неглуп. Примите совет — будьте с ним поласковей…

— Чья бы корова мычала! — рассвирепел кузнец. — Ты на что намекаешь, изверг? Что я жестоко обращаюсь с учеником? Может, обвинишь меня в том, что я его поколачиваю?

— А что, разве не так?

Эх, зря я это сказал. Забыл, кого изображаю. Мучителей детишек, как нас тут называют. Всяк так и норовит плюнуть вслед.

Кузнеца аж затрясло от негодования.

— Исключительно ради учения! Я прививаю ему навык, который, быть может, обогатит его, даст уважение и почет! Вот как! Да ради такого можно и потерпеть! Знали бы вы, как меня били! Палкой по хребту, да каждый день! На хлебе и воде сидел неделями! За любую провинность — на цепь! Ишь какой выискался, якобы я обижаю ученика! Я тебя обижаю, скажи, недоумок?

— Нет, мастер.

— Ты дурень и неуч, запомни это хорошенько.

— Я дурень и неуч. Спасибо за науку, мастер.

— Но так уж и быть, лентяй, сегодня ты заслужил кусок пирога. Сегодня я добрый!

— Спасибо, мастер. Вы очень добры ко мне, мастер.

— А что касается этих благодетелей… Так пущай истязатели малолетних детишек знают нашу доброту, верно я говорю, тупица?

— Верно, мастер.

— Нет, ты только представь — сами пытают детишек, а еще на меня наговаривают! Во наглость! Мы им доброе дело сделали, сами чуть богу душу не отдали, а этот подлец меня упрекает, дескать, я обижаю ученика, нет, ты только вдумайся, дубина ты стоеросовая! А не пошли бы они вон, как думаешь?

— Вы всё правильно говорите, мастер… — кинув на нас несчастный взгляд, пролепетал пацан.

— Вот! Пошли вон, воронье! Вон, я сказал! Прочь из моего дома! И чтобы я духу вашего не видел! Благодетели чертовы, чтоб вам пусто было…

Глава 5. Целебную настоечку не изволите?

Идти в гости к инквизиторам, в своих липовых нарядах — обречь себя на величайший риск. На такое сумасбродство не каждый отважится. В случае провала, выбраться будет проблематично. Даже с новоприобретенными плюшками.

Выхода два — тикать через мостик Искры, либо пустить в ход боевые умения и нашинковать всех в мелко порубленную капусту.

Как по мне, портал предпочтительней. Да и претит мне устраивать мясорубку. Кроме того, не факт, что плутовство пройдет по наиболее благоприятному для нас сценарию. По сути, вдвоем с Доминикой против вооруженной до зубов армии. Братца-ворона в расчет можно не брать, если только он не решится выколоть кому-нибудь глаз. В общем, бог коварства и обычная воровка с привлекательной внешностью и умением быстро лазать по стенам — мягко говоря, маловат отряд.

Это безумие в чистом виде, поэтому насильственный путь отметаем.

И тем не менее мы отважились. В надежде, что девчонка-невидимка не перепугается и даст нам вовремя улизнуть. Слабая надежда, понимаю. Да и кузен в образе ворона непо-

хож на доброго друга, способного уговорить перепуганную кроху открыть проход.

Ну да ничего, риск — благородное дело. Продолжаем придерживаться образа, который уже принес плоды. Условились с Хуаном, что он будет по мере возможности указывать на ловушки, намекать на опасность и так далее, не выходя из образа «блаженной» птицы.

Первым делом я осторожно, не вызывая подозрений, расспросил посетителей «Трех мертвых тараканов», что и как устроено в святая святых инквизиции — здоровенном здании, бывшем раньше собором, где ранее отправлялись службы в честь Люкс Деус.

В ответ словоохотливые граждане, подпитываемые спиртным, вывалили на меня кучу слухов, домыслов, баек и страшилок. Прибавим сюда постоянные обвинения в измывательствах над детьми, которых покупали «черные жрецы», с приукрашиваниями и жуткими подробностями. Вычленить из этого вороха что-то реальное почти невозможно. Напрасно я объяснял, что культ Птаххотепа добрый, никто никого не мучает — это только раззадоривало местных. В какой-то момент я подумал: «а чего это я впрягаюсь за безвестных культистов, которых и в глаза никогда не видел?»

Дрянное воронье! Наследили, поганцы, хуже некуда. Вот как нам, честным ворам, работать после такого? Если встречу когда-нибудь настоящего воронка, обязательно по харе заеду.

Однако пора действовать, а то слухи о появлении воронов распространялись всё быстрее, и всё большее количество народу хотело набить нам морды. Либо придется придумывать другой образ. Вот так, ничтоже сумняшеся, после обеда мы появились у ворот Трибунала дель Санто-Официо.

Собор еще сохранил следы былого великолепия, хотя и пострадал от варварского обращения — позолоченная жесть на шпилях практически отсутствовала, побелка осыпалась, барельефы поистесались. Но более всего уродовала этот дивный когда-то ансамбль корявая загородка, городня из бревен, земли, булыжников и битых кирпичей. Учитывая, что молитвенное место превратилось в застенок, хоть как-то защититься от гнева народа — в мирах, подобным этой дыре, нередки бунты. Даже в энкомьендас-ортодоксах, представьте себе.

У ворот этой импровизированной крепостной стены сидел на пеньке пухлый щекастый альгвасил, помешивал оловянной ложкой варево в котелке над костром. Чтобы дождь не подпортил вкус супа, над стоянкой был предусмотрительно натянут кусок непромокаемой ткани, опиравшейся на три жердины.

— О! — сказал он, увидев нас. — Воронье! Явились, наконец! А в городе-то уже слушки пошли, мол, пришли черные детей наших уводить…

Опять двадцать пять. Я вздохнул. «Ну, Могша, посоветовал ты нам образ, вот спасибо…» — уныло подумал я. По-

скорей бы скинуть с себя эту рясу вместе с очками. Чувствую себя вымазанным в грязи.

— А говорили, мол, в Туге-то все повымерли! — продолжил альгвасил. — Болтают, что напал на них некто, кого зовут El Rey Carmesí, Багровым Королем. Приплыл ночью на вымазанных дегтем и кровью кораблях. Половину истребил окаянный дикарь, а другую половину скосил мор.

Хм… Могша ни словом не обмолвился ни о нападении, ни о болезни. Ладно, подыграем.

— Это был черный день для всех нас! — сказал я, воздев руки небу. — Воистину, господь покарал нас за грехи! Однако мы выжили и потихоньку приходим в себя после страшной трагедии.

— А раз так, решили, значит, поднабрать детишек, чтоб потом мучить и истязать их, как вы это обожаете делать?

Мы в Конгохас меньше суток, но уже столько раз слышали про детишек, которых мы якобы собираемся, «мучить и истязать», что у меня скоро нервный тик начнется.

— Напрасно вы так говорите, милейший! Те древние варварские обычаи давно канули в лету. Детишек мы обучаем грамоте, кормим, поим, лечим, делаем послушниками.

Альгвасил усмехнулся, однако поднялся, постучал в ворота. Открылось окошко.

— Явились, не запылились, — сказал он.

Окошко захлопнулось.

— Ждите, сейчас кто-нить из сеньоров явится, займется

вами.

Ждать пришлось с полчаса. Хорошо, что альгвасил пустил нас под навес, а то вымокли бы до нитки. Служилый оказался на диво словоохотливым. Больше всего его занимал эль Реи Кармеси. Полчища таинственного властелина, уверял нас пухляш, завоевали Драконий остров. Гарнизон, охраняющий шахту по добыче волшебного камня (наверное, он имел в виду обсидиан) в осаде.

— Сведения верные, воронок, вот те зуб! Намедни сеньор Тисон отправил новую партию воинов и невольников туда. Плохие дела, вот оно что. Докатится до того, что к нам приплывет. Ведь все окрестные острова уже пали, вот оно что.

— Кто такой этот эль Реи Кармеси? — спросил я.

— А кто его знает? Никто ж не видел! Но я думаю, что это — сам Темный. А как иначе-то? Кто в его войске? Орки, огры, горные великаны. Нечисть, одним словом! Поговаривают, есть у них воины, внешне похожие на волков. С зубищами и когтищами. Чума на нашу голову! Эх, так и знал — недолго нам трепыхаться после закрытия врат в Небесные Чертоги! Бросил нас Люминозо на произвол судьбы. Повымрем скоро, вот зуб даю! Все повымрем, до единого!

Тут горестные размышления альгвасила прервал явившийся, наконец, господин. Статный мужчина в бархатном дублете, волосы зачесаны назад и намаслены так густо, что аж блестели. Дворянин излучал дружелюбие.

— Вот так сюрприз, так сюрприз! — сказал он, всплес-

нув руками. — А мы и не чаяли вновь свидеться с вашим славным орденом! Добро пожаловать! Прошу, проходите, не бойтесь!

Возникшая было симпатия — уж больно располагал к себе этот молодой человек — тут же испарилась. Мы узнали этот голос — это был тот самый велеречивый рыцарь. Я чуть ли не физически ощутил ненависть Доминики. Пришлось незаметно сжать ее руку.

— В первый раз в Конгохас? — спросил велеречивый рыцарь.

— В первый, милейший кабальеро.

— Зовите меня Орландо.

— Очень приятно познакомится с таким достойным вельможей, как вы, сеньор Орландо!

Орландо непринужденно рассмеялся.

— А вы разве не представитесь?

Ах ты хитрец! Решил подловить?

— Моя скромная персона не имеет решительно никакого значения, — ответил я поклонившись по обычаю со сложенными ладонями у груди. — Можете звать меня так, как вам будет угодно, милейший сеньор Орландо.

— Тогда я буду звать вас Грофо, с вашего позволения.

— Ничего не имею против.

Но тут кузен совершенно неожиданно пронзительно закричал:

— Да пр-ронзит повелитель в наши сер-рдца! Могила, мо-

гила, могила, кар!

«Могила? — подумал я. — Что это значит? Западня?»

— Надо же, какой проницательный у вас ворон! — сказал Орландо.

«Что происходит, может мне кто-нибудь объяснить?»

Орландо, словно поняв, о чем я думаю, продолжил:

— Да, бывший до вас священнослужитель из вашего ордена быстро признался, что хотел покинуть стены обители, частично присвоить выданные средства, а частично прикупить мальчиков и девочек не ради обрядов и таинства, а ради кое-чего другого, если вы меня понимаете. Нас возмутило такое поведение и Грофо — так он назвался, под пыткой, правда, — был обезглавлен. На одном из островных диалектов словечко означает «могила». Вижу ваш ворон вспомнил его. В отличие от вас. Видно, вы в ордене недавно. Прошу прощения, но я должен был убедиться, что имею дело с истинным жрецом эль Птахо…

Еще одно испытание? Ах ты сукин сын!

— Нашего господа зовут Птаххотеп, милейший господин Орландо. Эль Птахо — это обидное наименование, кое в ходу среди черни. Мы не приемлем такое. Со всем уважением, милейший сеньор Орландо.

— Да, конечно, еще раз извиняюсь. В общем, после прискорбного случая с Грофо мы стараемся быть более бдительными. Время такое, сложное, надеюсь вы понимаете?

Как славно получилось! Полагаю, кузен возбудился,

вспомнив, что означает слово «грофо». Подумал, что нам уготовили ловушку. А тут другое.

— Моя вера запрещает мне судить и осуждать, — сказал я. — Но в сердце моем печаль. Как ни старайся, среди зерна всегда отыщутся плевелы.

— Воистину! Сюда, пожалуйста!

Мы вошли в здание с черного хода и сразу стали спускаться в подземелье. В легендарные казематы Инквизиции. Доминика тенью следовала за нами, но глаза ее горели яростным огнем.

«Только не взбесись, держи себя в руках!» — мысленно взмолился я.

Первый этап мы преодолели — проникли внутрь, сумев сохранить инкогнито. Посмотрим, что будет дальше.

— Когда вы отплываете? — спросил Орландо, сняв со стены факел.

— Надеюсь, что сразу, — ответил я. — Хорошо бы завтра утром, если погода не подведет. После мора мы отчаянно нуждаемся в слугах и послушниках. Обитель наша разорена, работы невпроворот.

— Да, я слышал о вашем несчастье! От всей души сочувствую!

Слава богам, вовремя пославших болтливого стражника! Повезло, ничего не скажешь.

— Ну, вот и узилище, где томятся грешные души, проводя время в тщетных попытках вымолить прощение за про-

ступки! — сказал Орландо, отперев дверь.

Коридор с крохотными камерами, забранными толстыми прутьями. В каждой — по узнику. В некоторых — по двое. И мужчины и женщины вперемешку. Грязные, истощенные. И все — в самаррах, желто-красных накидках, в которые инквизиторы обычно облачают грешников. Прильнули к решеткам, глаза блестят как-то неестественно.

— Дети там, за поворотом, — сказал Орландо. — Мы предоставили им более выгодные условия, отвели целую гостиную.

«Гостиной» рыцарь назвал просторное холодное помещение. Скудного света, проникавшего в узкие окна на высоте не меньше десяти футов не хватало, чтобы развеять царивший тут полумрак.

Ребятня сидела на сыром полу, устланным сгнившей соломой, вся сплошь закованная в цепи, кутаясь в лохмотья. Хорошо хоть не в самаррах. Видно в отношении детей действуют другие правила, может, инквизиторы тешут себя надеждой, что эти малолетние безбожники когда-нибудь, да исправятся. Потому не облачают в покаянные одежды. Хм, я много раз бывал в таких местах, чаще всего выполняя всевозможные мелкие поручения родителя, и могу сказать точно — нет, не исправятся. Чем тяжелее условия в казематах, тем ярче разгорается ненависть к мучителям — вот древняя и святая истина, в которую никак не желают поверить многочисленные тупоголовые жрецы Примигенио в энкомьен-

дас-ортодоксах.

Я сразу заметил нескольких знакомых мальчишек из квартала, где находится (надеюсь, до сих пор!) таверна «Не будите спящую кошку».

Сразу возник вопрос: и чем эти ублюдки-инквизиторы отличаются от полумифических жрецов Птаххотепа?

— Скольких вы собираетесь забрать? — спросил Орландо.

— Зависит от цены, какую вы запросите. Но не более пары дюжин. Мы в средствах ограничены.

— Мы тоже, если честно.

— Вы не оставите нас одних?

Орландо вопросительно вздернул бровь.

— Зачем?

— Эмм… как бы сказать… Вместо ответа позвольте задать вам вопрос, милейший сеньор Орландо. Со сколькими моими единоверцами вы имели дело?

— Хм… если честно, только с одним.

— С тем самым презренным Грофо, я полагаю?

— О да, с тем самым.

— То есть со лжецом, опорочившем нашу веру?

— Истинно так.

— В таком случае неудивительно, что вы незнакомы с нашими порядками. Мы отбираем не просто слуг, о мой друг! Мы отбираем тех, кто посвятит свою жизнь служению господа нашего! Не случайно со мной священный ворон — он

должен распознать, есть ли в претенденте божья искра. А это таинство, милейший, где нет места… я дико извиняюсь за откровенность…

— Я прекрасно вас понял, можете не продолжать, уважаемый! Оставлю вас наедине с этими малолетними преступниками. Но будьте осторожны — они очень и очень злые.

— Не переживайте, мой слуга обучен многим техникам защиты и способен постоять за меня и ворона. Да и сам я не лыком шит. С мечом обращаться умею. Жизнь такая, вы же понимаете.

— В таком случае покину вас. С вашего позволения, я запру дверь. Как закончите, постучите в дверь — стража отведет вас в приемную к господину инквизитору. Там и обсудим условия сделки.

— Мир вам и благословение господа нашего! — сказал я смиренно.

— И вам того же.

Чертов рыцарь ушел. Несмотря на манеры, Орландо оставлял неприятное впечатление. Жестокий сукин сын, точно вам говорю. Только парень со значительными отклонениями в психике мог орать нам, карабкавшимся по склону горы, где раскинулась Боске Саградо, те гнусные фразы, вроде «вдохновенной ломки суставов».

Я знаком велел Доминике встать спиной к окошку, где уже маячил красный нос любопытного стражника, посмотрел на детей, приставил палец ко рту и указал на девушку.

Не знаю, о чем бедняжки подумали, но смотрели они на меня с ненавистью.

Доминика сняла повязку и все ахнули. Дело в том, что большинство этих ребят были пойманы в воровском квартале. Они прекрасно знали ее.

— Ла Гардунья, это же Ла Гардунья! — раздались голоса. — Они пришла вытащить нас! Она нас спасет! Ла Гардунья, Ла Гардунья…

Ла Гардунья? Куница? Ну надо же…

Дети так и подались к нам, руки протянули. У Доминики на глаза навернулись слезы.

— Хуанито, покричи что-нибудь, чтобы заглушить мои слова, — попросил я кузена.

— Гр-рядет стр-рашный суд!.. — начал он по обычаю.

— Успокойтесь! — шикнул я на них, сняв очки. Да, многие и меня узнали. — Сядьте на место! Доминика, завяжи лицо, вдруг кто зайдет! Тихо! Сидите тихо, как мышки! Если что, вы нас не знаете, вы нас боитесь, даже ненавидите, понятно? Так, а теперь подойдите поближе… Разговариваем как можно тише, это ясно?

— Вы с Ла Гардуньей нас спасете, верно? — спросил нас один из знакомых пареньков.

Хуан продолжал с упоением сыпать проклятьями, хлопать крыльями, каркать и болтать всякую мистическую чепуху. Великолепно — стража при всем желании не сможет расслышать, отчем мы говорим.

— Не обещаем, но даю слово, что приложим все силы, — сказал я. — Но для этого вы должны слушаться нас во всем! А пока ответьте на мой вопрос: кто-нибудь знает, что случилось с Вадимом, мастером?

— Его увезли на остров Драконов.

Доминика чуть не упала.

— Спокойно, не волнуйся ты так! — сказал я ей. — Возьми себя в руки! Так, друзья, давайте подробности!

* * *

Дети о многом нам поведали. Подозреваю, не всё правда, часть можно списать на богатое воображение юнцов, но вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что Вадим каким-то чудом выжил. Может, зелье выдохлось, может, я обманулся насчет эффекта, трудно сказать. Тот, кто его создал, давным-давно мертв, а идентификация магических препаратов, особенно нестандартных — не мой профиль.

Но потрепало Вадима знатно. Во-первых, он был тяжело ранен. Многие тут слышали, как он кричал взахлеб, корчась от боли. Лечил его обычный медик, молодой, сонный и рассеянный. Использовал припарки, мази, микстуры, кровопускание, то есть, самые незамысловатые процедуры. Способны ли они помочь в таких-то скотских условиях, как эти казематы? Ответ очевиден.

Судя по воплям, лечение на пользу не пошло.

Неделя кошмара, а затем Вадима, не оправившегося, еле живого, под покровом ночи отправили вместе с сотней та-

ких же побитых горожан куда-то в неизвестность. Хорошо, что костыль дали, хоть как-то смог ковылять. Достоверно неизвестно, куда. Это предстоит выяснить. Версия, что его могли отправить на остров Драконов, покалеченного, обессилевшего, не выдерживает критики. Зачем? Какой там от него прок? Не лучше ли… просто убить?

Загадка…

Всё время, пока дети наперебой, едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос, рассказывали о мастере воров и его злоключениях, Доминика с трудом сдерживала эмоции. Она спрятала ладони в широких рукавах, чтобы скрыть дрожь, повязка на лбу взмокла. Мне было ее отчаянно жаль. Но мы с кузеном ничем не могли помочь. Надо держаться.

Во всей этой истории мне одно непонятно — почему Вадим до сих пор жив? Мы не смотрели назад, когда бежали, не было сил, но… думаю, дальше можно не продолжать.

М-да, непростым зельем я его напоил.

Если мастер воров уцелел после такого, значит, одолеет и дальнейшие невзгоды. Знать бы только, куда его отправили.

— Ну всё, друзья, нам пора, а то мой братишка уже скоро охрипнет от карканья.

— Вы вернетесь? Вы заберете нас отсюда? Вы спасете нас?

Я посмотрел на детей и у меня сжалось сердце. Они с такой надеждой смотрели на нас, даже на Хуана! У меня принцип — не давать невыполнимых обещаний. Но тут… в бездну принципы!

— Даю слово, что вытащу вас, друзья! — сказал я. — Ждите!

* * *

Фердинанд Тисон — высокий сухопарый старик с застывшей на лице гримасой отвращения — отложил в сторону книгу, поднялся с кресла, откинув в сторону плед. Взял кочергу, поворошил дрова в камине.

Затем зашелся в скрипучем кашле, кочерга выпала из рук, задребезжав на каменном полу, трясущейся рукой схватил стакан с каминной полки, плеснул в него кару капель из бутылочки, стоявшей рядом, выпил, поставил на место стакан, снова сел в кресло и потом долго и старательно кутал ноги в плед.

На нас даже не взглянул.

— Отец? — тихо сказал Орландо. — К вам гость.

— Вижу, не слепой, — ответил главный инквизитор. — Пусть проходит.

— Хорошо, — поклонившись, сказал Орландо и развернулся ко мне. — Вынужден попросить вас сдать оружие. Можете отдать меч своему слуге, например.

Я не стал возражать, отстегнул ножны, вручил Доминике. Ее ладонь была влажной и холодной.

— И пистолет. Я же вижу, он у вас есть.

Хорошо, и пистолет.

— Отлично! Пожалуйста, проходите! Садитесь вот сюда.

Доминика осталась у входа, подле двух стражников. Ор-

ландо занял место позади отца, я сел напротив. На самый край, слегка согнувшись. Сплел пальцы у живота. Кузен уселся на спинку стула.

Потянулись томительные минуты ожидания. Наконец, Тисон, откашлявшись, сказал:

— Сколько душ вам нужно?

Сразу к делу? Однако, инквизитор оправдывал слухи — крайне неприветливый тип.

— Пара дюжин максимум.

— Тысяча дублонов и можете забирать.

У меня глаза на лоб полезли.

— Вы шутите, надеюсь?

— Я похож на шутника?

— Но… может быть, я смогу оказать какую другую услугу, чтобы компенсировать недостачу?

Инквизитор посмотрел на меня, постучал крючковатым пальцем по подлокотнику.

— Я всегда торговал с вами ради одного, — сказал он. — Если вы действительно тот, за кого вы себя выдаете, вы вспомните, ради чего. А иначе…

Проклятье! Что делать-то? И кузен подсказать не может…

Всегда торговал ради одного… Что ему требуется? Лечение? Судя по внешнему виду и кашлю — он болен застарелым недугом. Скорее всего лечение, а что еще надо смертному?

Рискну.

— Нижайше прошу извинить мое невежество, о великий сеньор инквизитор! Как вы можете видеть, я слишком молод и неопытен. Этому есть причины — уверен, до вашего высокопреосвященства дошли вести о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.